

Владимир САРИШВИЛИ

СПАСЕННАЯ ТАЙНА

Книга с ложки

По остроумному замечанию Михаила Генина, писатель - это не тот, кто пишет, а тот, кого читают. Это замечание верно в отношении искусства, обеспеченного, подобно тому, как здоровая валюта обеспечена золотом, подлинной духовностью и мастерством. И, если продолжить "монетарное" сравнение, то мы ведем речь о творчестве конвертируемом, выходящем за пределы собственного "птичьего двора" и устремленном ввысь, в глубь нашего сознания и природы наших чувств.

Объективный критерий ценности научных работ - статистика цитируемости ученого в исследованиях его коллег. В какой-то мере этот критерий применим и в отношении поэтического, бардовского творчества. Я, например, в силу отпущенных мне Богом возможностей, довольно часто напеваю песни Людмилы Орагвелидзе. Так в общих чертах выглядит шкала объективных критериев отличия - от графомана до гения.

Всем нам известна популярность - в хорошем, высоком понимании - популярность творчества Людмилы Орагвелидзе. Она, с учетом наших миниатюрных географических условий, общей ситуации в стране, не располагающей к погружению в творческие миры художников, на удивление велика.

И - еще. Вспоминается фрагмент одной из статей замечательного филолога Лины Дмитриевны Хихадзе, где она замечает, что подлинную поэзию от подделки, от фальшивки, отличает интонация... точнее, неповторимость интонации.

Именно эта неповторимость, в сочетании с мастерством, чувством материала, врожденным ощущением плотности строки, составляет суть феномена творчества Орагвелидзе. Эти качества отличают не только поэтическую ткань, но и мелодический, музыкальный строй ее песен, которые часто становятся песнями - мини-спектаклями. В 1995 году студия "Аудиенция" выпустила первый аудио-альбом Людмилы Орагвелидзе "Серенада разлуки", за которыми последовали сольные концерты в ТЮЗе, в Малом зале театра имени А.Грибоедова, в Доме работников искусств, в Союзе журналистов, в других концертных залах...

И эти залы никогда не пустовали, и всегда нашей Людмиле сопутствовал неизменный и заслуженный успех.

В 1999 году студией "Мелодия" был записан второй аудиоальбом "Пристань блуждающих снов", после которого последовали концерты в России - в Москве, Костроме... В 2008 вышел третий альбом, "Сквозь прошлые и эти времена".

Российская телерадиокомпания РТР сняла об этих песнях документальный фильм "О Грузии с любовью".

В 2000 году вышел сборник стихотворений Людмилы Орагвелидзе "Хрупкие звезды". И здесь пришло время вспомнить человека, сыгравшего важнейшую роль в становлении Людмилы как творческой личности, бывшего ее "Вергилием" на тернистом пути к читательским сердцам. Это - незабвенной памяти Владимир Валерьянович Осинский. В предисловии к сборнику он писал:

"В каждой строке "Хрупких звезд" присутствует личность поэтессы. Перед нами натура цельная, бесстрашно правдивая в отношении к окружающим и беспощадно искренняя в самооценке; человек, верный избранной позиции, поведенческим нормам, благородно сдержанный в выражении эмоций, свободный в высоком значении слова, мыслящий независимо-самобытно, подчас ироничный до жестокости - и доверчиво открытый, мучимый состраданием ко всем, кому плохо, добрый до беззащитности..."

Или вот обнажающее суть творческого почерка Людмилы Орагвелидзе замечание В.Осинского: "Ее стихам присуща четкость вербальных конструкций, лексика их естественно проста, тропы неожиданны и тем сильнее впечатляют, принуждая задержаться, вдуматься в глубокий смысл фразы, строки, строфы; ее манере чужды ложная многозначительность, претенциозная недосказанность, темная расплывчатость суждений, малодушная неопределенность оценок. Все вместе можно назвать способом существования авторской индивидуальности в живой ткани стиха, материализующейся в безошибочно выбранное слово потребностью пристально-неотрывно всматриваться в окружающее и самое себя прямым взглядом широко раскрытых глаз."

И вот мы держим в руках новый сборник лирики Людмилы Орагвелидзе - "За фасадами". В него вошли стихи, навеянные трагизмом нашего общего бытия, унаследованного от века XX веком XXI. Но трагизм этот находит выражение отнюдь не в сокрушительном пафосе и запредельном накале эмоций и переживаний героев Софокла, Шекспира и Расина. Он подчас подернут флером горькой иронии:

*Все как прежде: балкон, посуда
И провисшие провода.
Только голуби - не оттуда,
Только лестница - не туда.*

Подчас трагизм этот скрыт за полупрозрачной ширмой мастерски подобранной ситуативно-предметной детализации:

*Булавки да нитки, - неброский товар.
Торговец - доцент и философ.
Фонарная тумба - прилавок. Фонарь
Сутулится знаком впрося.*

Или, например, такая миниатюра:

*Подошла, замок открыла.
Здесь она
Просидит на двух могилах
Дотемна.
И придет опять, под утро,
В серый свет.
Для нее иных маршрутов
Больше нет.
Все сюда, - подушки, ложки
И ножи,
В этом склепе скоро можно
Будет жить.
Чьими бусами нагружен
Образок?
Почему же ей не нужен
Новый Бог?*

А вот иная ипостась выражения трагизма бытия - посредством простой, но предельно насыщенной метафоры:

Эта яма - за маковым полем...

Вновь открывая для себя микрокосм поэзии Людмилы Орагвелидзе, я вспоминал беседу с друзьями, ведущими российскими филологами, докторами наук Сергеем Кормиловым и Олегом Федотовым. Речь у нас зашла о том, почему "Пиковая дама" Пушкина - шедевр, а "Дубровский" - просто талантливо написанная повесть. Спорили долго, и уж не помню, кому из нас пришло в голову решение: в "Пиковой даме" есть тайна, а в "Дубровском" ее нет...

Я далек от провозглашения всего творчества Людмилы Орагвелидзе шедевральной, но в ткань лучших образцов ее лирики закрадывается та самая тайна, обрекая стихотворение на долгую жизнь...

"ЗА ФАСАДАМИ". Людмила Орагвелидзе. Тбилиси, 2009. Ассоциация русскоязычных писателей Грузии "Новый Современник".

Людмила ОРАГВЕЛИДЗЕ
ИЗ КНИГИ "ЗА ФАСАДАМИ"

* * *

Проходя, заглянуть напрасно
 В этот старый тифлисский двор,
 Где с три короба врал вихрастый,
 Семилетний мой ухажер.

Может, скрипнут тугие ставни,
 Гулко прыгнет знакомый кот,
 Может быть, сумасброд Евстафий
 Вновь колдует среди реторт...

Всё как прежде: балкон, посуда
 И провисшие провода.
 Только голуби - не оттуда,
 Только лестница - не туда...

ЗА ФАСАДОМ

Неуемный и смешливый,
 Кто-то ловко пляшет с кистью,
 Словно мальчик озорливый,
 Метит окна, метит листья.

Город красят. Так и надо.
 Вид приятно-надлежащий.
 Люди смотрят на фасады,
 Я же - больше на смотрящих.

За фасадом, где мне рады,
 С руку - щели, в дырах - шторы,
 И от плесени и смрада
 По углам грибные споры

Здесь, где стены даже за ночь
 Опадают серой крошкой,
 Много лет живет Сан Саныч,
 Мой учитель в давнем прошлом.

От дверного перекоса
 Рухнул угол, - как примета
 Отколовшихся вопросов,
 Заблудившихся ответов.

* * *

То было в задебренном детстве,
 Каком-то отдельном, раздетом,
 Где годы поштучны и вески,
 И медленны, как континенты.

Сырые углы у квартиры...
 Отец в бесконечном "отъезде".
 Прихлопнуло томом Шекспира
 Мышонка по имени Дези.
 Мышонок был белый, а имя -
 Фатальное, от Дездемона.
 Ещё... акварельная дыня.
 В соседнем дворе анемоны.

Соседка - актриса скандалов,
 Как дно казана, круглолица.
 За что, мне одной, не давала
 Она из-под крана напиток?

За что меня так не любила, -
 Из детского сада, - другая?
 За ней из угла я следила,
 То краску, то мел колулая.

Мы встретимся в тихой аллее,
 Куда принесу я вопросы,
 И чем они были немее,
 Тем будут безжалостней после...

СОНЕТ

Промозглый день...и всё в природе -
 Как черно-белое кино,
 Но всё не плохо в остальном -
 Трещит камин, друзья приходят.

На этаже, в сквозном пролете,
 Недобрый свист, но в остальном -
 Родные книги и альбом
 В знакомом с детства переплете.

Там, в остальном - и росчерк
 Млечный,
 Когда вздыхает за спиной,
 Внезапно сделавшись ручной,
 Озябшая босая вечность.

Обманем зиму за окном
 И затаимся... в остальном.

УТЕШЕНИЕ

А ты попробуй - отучись
 Считать утраты и ошибки,
 А ты попробуй, - как лучи -
 Дарить спокойные улыбки.

А ты попробуй, - как-нибудь
 Грядущий год прожить иначе:
 Не мерить поприщем судьбу,
 Благополучием удачу.

И ты попробуй, - не ищи
 Свершений в прошлом. Перед далью
 Какая разница - кувшин
 Ты обжигал или пиалу?

ДАВНЕЕ

Он был всегда!
 Угрюмый, неопрятный,
 На всех соседей наводил тоску,
 Не замечал, - /в моём лице, понятно./
 Вертящуюся всюду мелюзгу.

Внезапно он исчез.
 А дом, как прежде,
 Шумел тазами, шаркал и варил,
 Вязал крючками и сушил одежду,
 И ставил к чаю вишню и кизил.

За лестницей
 его большие боты
 Настырно продолжали поощрять
 Мой первый страх о том,
 что в жизни что-то
 Незыблемое
 может исчезать.

СТАРОЕ ФОТО

Есть в серии альбомной
 Давнишний снимок мой;
 Куда иду, - не помню,
 Но, может быть, домой.

А если втиснуть вечность
 В раздумье о пути, -
 Иду себе навстречу,
 Куда ж ещё идти?

В тугих раскатах грома
 Предчувствую беду...
 - Ты далеко от дома?
 - Да, я ещё иду.

* * *

В.Осинскому

По вечерам со мною говорят
 Моих друзей любимые портреты,
 Я их храню,
 как страстный нумизмат
 Бесценные и редкие монеты.

Когда лукавлю, сотрясает клич
 Мой дом. Везде,
 на празднике и в схватке,
 Я остаюсь их частью,
 как кирпич
 В давно и прочно выложенной
 кладке.

И.П.

Мой мотылёк, огнепоклонник,
 Слепший в гибельном пылу.
 Что будет?... Ярость по стеклу
 И крыльев рваные фестоны.

Вот так и я: готова сдать
 Своей тягучей маете;
 Мы - невозможность улететь
 И невозможность продолжаться...

ЗАПАДНЯ

Эта яма - за маковым полем,
 За отвесной самшитовой рощей.
 А вдали только ветер привольный
 Голубое пространство полощет.

Только грифы над ямою грезят,
 Им добыча кровавая снится...
 Старый волк в западню не ползет,
 Уведет и волчат, и волчицу.

Подкосит нас сетями Коварство,
 И клещами ухватит Измена,
 Век за веком, обмануты Стростью,
 В ту же яму летим неизменно.

Отчего же, научены болью,
 Не живем осторожней и проще?

Снова грезим о маковом поле
И грустим о самшитовой роще.

Рассекаем кустарник отважно,
Как впервые, бросаемся к свету.
А на деле, - дорога все та же -
По кровавому прежнему следу.

* * *

Когда исчезну - буду жить в листве,
Поскольку с нею состою в родстве;
А может, буду просто жить одна,
Поскольку никому я не родна.

Перед уходом буду ждать луны
- Яснее слезы при луне видны;
А может, буду ждать сентябрьских гроз,
Ведь под дождем нельзя увидеть слез...

Когда исчезну - словно растворюсь,
Мне будет жаль, что с богом
расстаюсь.
А может, буду рада, что ушла,
Поскольку бога не нашла

* * *

И снится мне степь в суховеях
сарматских,
Просевший плетень и ковыльная
грусть...
В поддевке сермяжной, в лихой
подпояске
Ушла бы в бега, закатилась на Русь.

По полю, по шпалам ли, по
перелескам
Ходила бы, глядя в родные глаза
Прозрачных берез и лилового
вереска,
Снимая репей с корноухого пса.

И где-то в ложбине,
среди первых проталин,
за дальней избой,
где царит бересклет,
Навзрыд испугалась бы:
"Там ли я,
там ли?"
А может, нигде ее,
Родины,
нет?

ОТЧАЯНИЕ

Затянута илом, лежит плоскодонка,
Уже не молясь о весле.
И ветви и корни, и ветры и волны
Она возвращает земле.

И я возвращаю, как давнее чудо -
Любовь, и восторг, и мечты...
Помилуй, Создатель, ведь я -
не отсюда!

И дальше мне не с чем идти.

Отдам, рассыпая - горстями
и порознь,
И дождик слепой, и грозу,
Графитный накрап и осеннюю
морось,
Под елью грибную росу.

Лежит плоскодонка, водою покрыта,
Не в силах чего-то желать.
И нечего нам, сберегая молитвой,
Любить и перстом осенять...

ПАМЯТЬ

Где остались слепящие плесы
И полуденной рощи усталость?
Почему мне достались березы
Так, как будто совсем не достались?

Отчего журавлей перелеты,
И роса на дрожащей осоке
Мне даны были столь мимолетно -
На ничтожно короткие сроки?

Да пребудет любви озаренье!
Верной дружбы бесценная россыпь!
Отчего же мне эти виденья
Были так, словно не были вовсе?

Это память: случайную малость
Выделяя яснее и зримей -
Утверждает, что я оставалась
На перронах, промчавшихся мимо.

Это память - хозяйка подвала,
Архивариус с вечной заботой -
Не припомнит куда рассовала
Остальное - страдания, годы...

* * *

Я забралась в унылый быт,
О близких беспокоясь,
И даже средний эрудит
Меня заткнёт за пояс.

Молчу, бывает, а сама,
Потягивая виски,
Припомнить тшусь:
- Какой Фома?
- Какой, какой... Аквинский.

Гребу к светильнику ума,
Встречаю с прежним риском:
- Опять Фома? Какой Фома?
- Какой, какой... Кемпийский.

Пойду печалиться: - Утешь,
Зашей, заштопай, ёлка,
Ту историческую брешь
Зелёною иголкой.

Не то навек пренебрегу
Пропахшим кухней... долгом.
Не то повешусь на суку,
Или на книжных полках...

ЭМИГРАНТКА

Все двери заколочены, а гвозди
Торчат напоминанием обид...
И родина не приглашает в гости,
Наверно, ей не нравится мой вид.

Я научилась умирять желанья,
Ни от какой обиды не робеть,
И прах надежд и разочарований
Сдувать с ладоней под ноги себе.

Ну что ж, - меняю коды и пароли,
Молюсь, чтоб никогда не подвели
Уверенность, призвание и воля.
А мир - распахнут... И велик, велик...

ГРАНИЦА

Они горды, едины и добры...
Что делать им с давнишней и родной
Другою половиною горы,
Которая не родина давно?

Смеются: "Это надо же, взбрело
Кроить, как шаровары, высоту,
Когда по эту сторону село,
А кладбище и пастбище - по ту".

Здесь каждый муж - рачитель
и мудрец,
А промысел непрост, как в старину;
"Де-факто" - как всегда, пасут овец,
"Де-юре" - гонят из страны в страну.

ДВОЕ

Булавки да нитки, - неброский товар.
Торговец - доцент и философ.
Фонарная тумба - прилавок. Фонарь
Сутулится знаком вопроса.

На цоколе дома - продолженный ряд;
Среди книжных засаленных стопок
Царит ностальгирующий ретроград
И друг закадычный - филолог.

Летит ли, взвывая, пожарный расчет,
Клубится ли облако пепла?..
Беседуют двое:
- Пылает еще...
- Да где же когда не горело?

Метнется ли тень в подворотне
пустой,
Сверкнув вороненою сталью:
- Убили кого-то, знать, было за что.
- Да где же когда не стреляли?

Тот нить теребит, этот вяжет тесьму;
Бесстрастны сердца, бесполезны!
Больны, как проказой, обвалами смут
И войн растлевающей бездной.

А рядом фонтан и узорный газон,
Умытые астры на грядках,
И хаоса нет, он, как джинн, заключен
В зловещие формы порядка.

* * *

Он дважды жёг, сгорая в личной драме,
Рассказы и стихи. Тугие папки.
Он дважды строил дом. И дважды пламя
Обрушивало выжженные балки.

Он дважды выжил и завёл собаку,
Но ветренными долгими ночами
Его перо царапает бумагу
И зреет то,
что и накличет пламя.

ВЕСТАЛКА

Ах, Клавдия Лота, останься бесстрастной,
Взгляни осторожней и строже;
Все цезари Рима смертельно опасны,
И самые юные тоже...

Их жизнь наполняют забавы и вина,
Танцовщиц игривые взгляды,
И кровь их - зловещая кровь Антонинов,
А сердце не знает пощады.

Не верь этим баловням, Клавдия Лота,
Останься таинственной жрицей,
Такому, как Август, недолго, недолго
Вздыхать по тебе и томиться.

И может случиться - его же указом
Падешь на подземное ложе,
Где цезари Рима уже не опасны,
И самые юные тоже...

* * *

Не кричала... Сутулясь, подкинула хвороста
В изразцовую печь. Дверь закрыла за ним.
Но стучало в висках, словно в тамбуре поезда,
Где на стыках шалит и вибрирует ритм.

И такой монотонною фразой-пророчеством
Исписала помятый газетный клочок:
"Если ты одинок, полюби одиночество,
Возлюби одиночество, кто одинок".

А потом, запоздалому и виноватому,
Всё простила ему... И в декабрьскую ночь,
В непроглядную снежную ночь на десятое,
Родила ясноглазую, тихую дочь.

И забылось за буднями прошлое начисто.
Быт добрее: машина, квартира, ремонт...
Но тревожит ребёнок, дичится и прячется
От детей под кровать, от гостей за трюмо.

Никого этой девочке видеть не хочется.
И однажды построив картонный шалаш,
Через щель охраняет своё одиночество
И бумагой шуришит... и грызёт карандаш.

ПРОЗА

Тамара НАДЕРЕИШВИЛИ

НОМО ЛУДЕНС

(Человек играющий)

*Посвящается всем тем, кто любил,
и всем тем, кто еще собирается любить.*

ГЛАВА 1

Сашенька, милый дурачок, влюбился, влюбился!
Он жил в Царицыно с мамой, папой и младшей сестрой. Мама была завучем в школе, ее уважали. И очень повезло, в первый же год Саша поступил на журфак МГУ. На журфаке стоит учиться только ради того, чтобы каждый день ездить на Манежную площадь. Филфак рядом не стоял. Девочки - отпад! И он влюбился в Машу. По началу просто влюбился, а потом затянуло, засосало, уже и сам не рад. Уж лучше бы разлюбить, влюбиться в другую, девчонок вон сколько.

А не получается. Манит она, влечет! Будто невидимой рукой за сердце держит. Рванешься в сторону - еще большее. Вот так и ведет за собой шутя, играя. Ей-то что? Она его не любит. Он ей - забава. Поманит пальчиком, когда ей вдруг охота будет. Он к ней на всех парах, тает перед ней свечой. А она - так; скуку **развеивает**. И пальцем ее не тронь! Да он бы и не посмел. Нет. Какой-нибудь умник скажет: - Что ты в ней нашел?

Что? Поначалу она ему казалась просто симпатичной. Приличная девочка из хорошей семьи. А в глазах потаенная порочная искорка, обещание запретной сладости. Она смущения не знает, она свое берет пятерней, она шутя столкнет с моста. Она смеется так, что внутри у него все начинает дрожать. Она острый, как лезвие, взглядом проойдет по нему, и он чувствует, и она знает - кровь выступила. Ей цвет этой крови нравится, запах нравится. Она нагнется к ранке, закроет глаза и лизнет языком! А потом заглянет в его распростертую душу, сверкнет алым блеском, засмеется... и пойдет себе! Не оглянется. А что ей оглядываться? Он будет смотреть ей вслед. Она у него перед глазами во сне, наяву. И когда он втайне молит: - Уйди, оставь меня!.. Знаете, что она делает? Она не отвечает, она смеется. А потом резанет острием глаз. И все сначала!

Ей нравится. И ему нравится. В его робкой душе она одна умеет затронуть струну страсти. От нее за километр веет чем-то таким... дымка туман облако запах черт разберет! Она обещает все радости мира. Она знает секретный заговор, колдовское зелье зачерпнула пригоршней. - Иди сюда! Иди сюда... - голос таит, зеленые глаза, нос с горбинкой, каштановые волосы, гибкое тело. Наглая. Наглая она. Ей нипочем сказать; - Надоел, уйди! - А потом, вдруг ей опять охота, сощурит глазки, улыбнется сладко, скажет таким голосом, (хоть бы это была правда!) таким голосом, будто он кто-то для нее есть. Скажет:

- Саша, привет! Что с тобой?

А что с ним? И стыдно, что так рабски стелется. И сладко, слаще ее нет. Она только войдет в комнату... И все! Ничего больше не надо.

А ведь он ей - кто? Поклонник. За всю его любовь - поклонник; потеха, так, никто, придурок, ненужный... А как еще? Уйти бы, она - его несвобода. А свобода - что? Не уйти. Эта любовь, будь она неладна, дорога по кругу. Откуда убежал, туда и вернулся. И все по новой. Не убежать. И все эти чувства, все мысли вперемешку. Как так можно, чтоб одному человеку была дана такая власть над другим человеком?
Боже! Любовь? К черту!

Как Саша о ней мечтал! Оставшись наедине с собой, она была его, он был ее...
Так прошли три года.

ГЛАВА 2

Лишних поклонников не бывает. В девятнадцать лет Маша была давно и безнадежно влюблена, со школы, в Стаса. А он ее не любил. Какое там! Совсем не любил. Ему ее любовь была не нужна. Он тяготился, страдал от ее любви. И не договориться никак. Маша сказала себе: - Я никого никогда так не люблю! Ей казалось, это просто взаимонепонимание. Надо, что б он понял. Как жить, если - нет? Ей казалось, небеса слышат ее любовь. А он убежал от нее, прятал глаза. Но как так? Не могла она его не любить, не могла отпустить. А он - далеко, он обходил ее за километр. А она не могла его отпустить. Уж такая это жестокая штука - любовь в ...надцать лет. Потом становится немного легче.

Саша, ее однокурник, был в нее влюблен. Ну, не только он. У нее были поклонники. Сколько надо, чтобы было у приличной девушки. Она, может, и не красавица. Но пусть красавицы ей завидуют. Красавиц любят за красоту, любят и разлюбят. А уж кто ее полюбит, то... попался. Если зацепила, то уж накрепко, надолго. Насколько сама пожелает. Вот так.

Саша, милый забавный мальчик. Маша с ним дружила. Маша зачитывалась Кастанедой. Загадочные, манящие сверх возможностями параллельные миры казались ей на уровне протянутой руки. Ну так, чуть-чуть не дотянуть пальчиками. Какая-то нераспознаваемая сила внутри нее тянула ее в неведомое, о чем так заманчиво поведал дон Хуан. Маша не знала страха. Попасть бы туда! Что там? Сила, беспредельность. Саша тоже был равнодушен к Кастанеде, к его рассказам о путешествиях в параллельные миры. В общем, кому не хочется глоточка невесомости?

Параллельные миры сблизили их. Им обоим хотелось проскользнуть туда, прогуляться и вернуться. Они говорили об этом часами напролет, долгими вечерами. И Саша любил ее все сильней. Так незаметно она стала для него частью этого вожделенного мира за гранью. И галлюциногены дон Хуана, и Маша, и полет по галактике сплелись в одну тугую удавку. Она стянула ему шею. Легкое удушье - кайф. Но за этим кайфом - что?

Однажды... это был пасмурный серый некрасивый день, когда рано темнеет, и не жалко, потому что и свет был сомнительной светлости. Вот в такой день пришло прозрение, как вестник взрослости, посланник старости - здравый смысл. Нет, ничего нет! Ни Маши, ни полетов. Теплое мерцание звезд - не для него. А всего лишь мучение это. И сердце истекает кровью. Надо освободиться от наваждения. Кончать с этим. Все. Все.

Он сто раз повторил себе - все. Так он помянул кончины мечты и любви. Маша! Все.

У Саши была знакомая одна, ее звали Женя. Саша обратил на нее внимание как раз потому, что она чем-то была похожа на Машу.

Он сказал ей: - Выходи за меня замуж, я тебя люблю.

Женя сказала: - Хорошо.

Они поженились.

Саша подошел к Маше на перемене и сказал: - Я женился.

ГЛАВА 3

Как?! Он же - ee! Получается, что выпорхнул, улизнул, больше - не ee?!

He-e-e-т!

Маша присмотрелась к Саше и нашла, что он, в общем, как бы и ничего. Главное - теперь интересно стало. Раньше неинтересно было. Он женился, чтоб избавиться от любви к ней? Трогательно. Умилительно... Что-то нужно... Срочно! А то как-то скучно стало.

Маше в то время как раз было скучно. Как раз в то время ей

пришлось признаться себе, что Стас ее не любит. И с этим ничего не поделать. "- Он так и не понял, КАК я его любила. Жаль".

*

Когда умирает любовь, что-то доброе прекращается в человеке, и что-то недоброе начинает жить. Это печально. Но не более чем... все остальное, что есть печального на свете.

ГЛАВА 4

Маша с Сашей стали встречаться. Она его возжелала. Почему? Не знал он. Но она посмотрела на него, как на мужчину. Он оборачивался на лекции и ловил на себе ее взгляд. Она смотрела на него... молочные реки, кисельные берега! Нет! Что это за образ? Какое молоко! Дурман дон Хуана, реки шампанского, берега из белужьей икры... Все равно не то! Негаданное, неожиданное! Само пришло. Он для нее кто-то есть! Она его хочет! Закрывать бы глаза, как в забытье уйти, чтобы излишне здравыми рассуждениями: почему, как получилось? - Не спугнуть... Если признаться себе, то это какая-то ошибка в небесном расписании. Но эта ошибка - его счастье. Он оборачивался еще раз и еще: Маша смотрит на него! Она его хочет. Раздеть ее... прикоснуться к ее груди... раздеть ее... увидеть ее наготу.

- Это правда? Да.

Она смотрела на него. Он не осмелился спросить себя: у нее это - любовь?

Он положил пальцы левой руки на ладонь правой и подумал: это ее тело, ее живот. Она! Маша... Ведьмочка, ведьмуленька, ведьмушечка, ведьмуленок сладкая. Люблю.

Какое красивое слово - люблю. Музыка. Ах! Музыка. Музыка, музыка...

ГЛАВА 5

Очень удобно заводить в любовники друзей: понимают с полуслова, не боятся, едят с руки.хлопот меньше.

У Маши был сосед Володя. Милый, умненький, приятный. Жил двумя этажами ниже. В том же подъезде. Иногда вечерами Маша спускалась к нему. Володя жил один. Ему квартира от бабушки досталась. Они пили чай, болтали о том о сем, занимались любовью. По-соседски. Это была дружба. Взаимовыручка. Кому не везло с соседями, те не поймут.

Нужно было место, чтоб было где. У Саши такой возможности не было. Не к себе же домой: нервничать, спешить? Маша сказала: - Нет проблем.

Сказала Володе: - Мне нужна твоя квартира. Для романтического свидания.

Володя отдал ключи: - Тр... ся на здоровье! И за себя, и за меня, и за того парня. Парень-то как, вообще, - ничего?

- Не знаю пока. Узнаю, скажу.

Маша прибралась в квартире Володи, постелила принесенную из дому свежую простынь. Принесла свечи, ароматические палочки, кассеты с тантрической музыкой. Оглянулась; при свете свечей... представила себе. Осталась довольна.

По дороге Саша купил вино.

Пришли на квартиру. Маша зажгла свечи, закурила ароматические палочки. Саша откупорил вино, разлил по бокалам. Смущался, не мог поднять на нее глаза. Какое возбуждающее зрелище - мужчина, что робеет перед тобой. Сладостно держать сосуд его блаженства, заглядывать в глаза: - Вот, сладенький, захочу - отдам тебе, захочу - разомкну пальчики, пролью. А как захочу? Сама не знаю. - А он, родной, смотрит, смотрит! Робеет. Игра такая. Мужчинам тоже идет робость. Робость - иллюзия непорочности.

Маша смотрела, как Саша мялся, не знал что сказать, куда девать глаза, куда - руки. Стоял поодаль, на постель не смотрел. Не решался подойти.

Это ее раззадорило.

Сама подошла, стала раздевать. Смеялась, выпила вино, разделась без смущения. Бросила трусики на кресло рядом.

Нагая! Его!
 Не его. Это он - ее.
 Пусть! Пусть так! Он думал, он столько думал об этом! Он думал, его унесет на крыльях блаженства. Но чертово сознание, как тренер-привереда, скрестив руки на груди, пристроилось у изголовья: - Не оплошай! Не подкачай! Не подведи! Покажи класс!
 Она - здесь, обняла, завалились на постель. Целует как! В жар бросило, дышать нечем, тело онемело... Маша - лежит под ним, плоть к плоти, ждет... А у него ничего не получается! Предательски безжизненный, позорно склоненный в долгожданный, в самый вожделенный миг!
 Лучше умереть.
 Но она помогла. По-женски, нежно, терпеливо.
 Сказала: - Все хорошо. Мне с тобой хорошо.

*

Получилось.
 И Саша изо всех сил старался показать, на что он способен, сделать приятное, понравиться, произвести впечатление. Только лишнее это, не нужно.
 Как у фигуристов? За технику девять баллов, а за артистизм не больше пяти.
 Ну, да и Бог с ним.
 Любовь все равно дышит сладко. Объятия того, кто тебя любит, все равно во сто крат лучше рук самого умелого искусника.

ГЛАВА 6

Саша пришел домой, сказал жене, что безумно устал. Лег и уснул сразу. А утром - это уже была совсем другая жизнь. Саша не чувствовал под ногами земли. Подпрыгнуть, и, кажется, так и зависнешь в воздухе.
 - Что с тобой? - спросила за завтраком Женя, и тут только Саша заметил, как внимательно она смотрит на него. Следит так, будто он карточную пирамиду выстраивает на столе.
 - А что со мной?
 - Что-то ты сегодня какой-то, не знаю... будто где-то не здесь.
 - В смысле?
 - Саша!
 - Что?
 - Посмотри на меня.
 - Что?
 - Ты меня любишь?
 - Конечно, люблю.

*

Все мысли о Маше. Хочется о ней говорить. И Саша рассказал Жене, что с ним на курсе учится девочка одна. Зовут ее Маша Стрельникова. Она такая умная, интересуется эзотерикой, всего Кастанеду прочитала, Гурджиева, Блаватскую. Книжки ему одалживает. "- С ней очень интересно общаться".
 - Ты с ней дружишь?
 - Да. Мне кажется, она тебе понравится. Вы с ней чем-то похожи.
 - Она хорошенькая?
 - Внешне? Симпатичная, да. Я с несимпатичными не вожусь.

ГЛАВА 7

Через неделю у Маши был день рождения. Ей исполнилось двадцать лет. Она пригласила много гостей, человек двадцать пять. И Сашу.
 Сказала ему: - Приходи с женой.
 "- Надо посмотреть, какая она - эта его жена... Саша сказал, она на меня чем-то похожа, поэтому и женился. Смешной он все-таки!"

*

Двадцать лет - беззаботная взрослость, в голове на каждой полочке уже по убеждению и кажется, что уже все - навсегда.

"- Загляну до дале'ка, дотянусь до глубо'ка!"
 А если и не совсем понятно, что это значит, то и не важно. Главное - весело.

*

Очень весело было. Родители ушли на всю ночь к бабушке с дедушкой, хоть до утра гуляй, и все, что душа пожелает. Курили, пили, танцевали в полумраке, разбрелись по комнатам, целовались по углам, а кое-кто даже заперся в ванной. Саша с Женей пришли позже, часам к девяти. Гости уже ходили на головах, и у Маши не было времени как следует присмотреться к Жене. Но так, с первого взгляда, Маша отметила, что она - некрасивая. Это во-первых. Во-вторых - слишком простая, обычная. Может, и есть в ней что-то... Но в общем, ничего особенного. А в третьих, Маша это и так знала, но теперь окончательно убедились; Женя ей не соперница. Маша - лучше, всем лучше. От корней волос до самых кончиков пальцев. Вот.
 Женя, в основном, сидела тихо, говорила мало. Присматривалась.

*

Вечеринка затянулась до рассвета; пока метро откроется. К четырем утра гости притомились, поутихли, тут и там лежали, кто на креслах, кто на полу. Время от времени наведывались на кухню за остатками еды и чего-нибудь выпить. Поставили Гребенщикова. Выключили свет. Маша пошла за заначкой сигарет в свою комнату и столкнулась в коридоре с Женей.

- Ты хотела что-нибудь?
 - Нет, я чайник ходила ставить на кухню, - ответила Женя - Ребята чаю попросили.
 - Ах, да.
 В коридоре было темно, лица не разобрать. Только очертания и направленный на тебя взгляд. Девушки вглядывались друг в друга.
 - Обожаю Гребенщикова, - сказала Женя.
 - Я тоже, - ответила Маша.
 ... То ли блюз на рассвете, тени в полумраке, то ли сердце пресытилось в долгом веселье, и желание ковырнуло острым коготком; хочу чего-нибудь непривычного. И Маша подумала:
 - Хочу к ней прикоснуться.
 Взглядом, как теплым дыханием, провела по Жениному телу. И ей показалось, Женя почувствовала ее прикосновение и ответила. Взглядом. Будто сказала: - Да.
 Сказала: - Почему бы нет?

ГЛАВА 8

На следующий день Маша проснулась поздно, прокрутила в памяти вчерашнее. Весело было. А эта Женя... перед глазами встало, как они стояли друг против друга в коридоре. Опять это чувство. Влечение.
 Она подошла к зеркалу, посмотрела на себя. "- Жена моего любовника". Кончиками пальцев провела по лицу. "- А что если...?" В зеленой чаще глаз искра пронеслась, блеснули огоньки, чертики забегали.
 Маша улыбнулась своим мыслям.

ГЛАВА 9

- Как тебе вчера наши ребята? - спросил Саша жену.
 - Нормально.
 - А Маша?
 - Ничего. Нормально. А у нее кто-нибудь есть?
 - Не знаю. Наверно. У всех кто-нибудь есть.
 - А хочешь, пригласим ее к нам... как-нибудь. Если хочешь...
 - К нам? А что? Слушай, ты здорово придумала! Давай! Давай на эти выходные!
 - Прямо на эти выходные?
 - А что...
 - Ничего. Как хочешь. Давай на эти.

*

Саша сказал Маше: - Придешь к нам в гости? Мы что-нибудь такое приготовим. В субботу. В три часа. Придешь?
- А почему нет?

ГЛАВА 10

Женя по кулинарной книге пожарила мясо в духовке. Саша убрал квартиру. То и дело заходил на кухню, справлялся, как готовится мясо, и смотрел на настенные часы. Без двадцати три сел за стол на кухне, сказал, что все убрал. Женя достала мясо из духовки. Саша отрезал кусок, подул на него, попробовал.

- Тебе не кажется, что мясо суховато? - спросил у жены.
- Ничего не суховато. Нормальное мясо. Что ты дергаешься!
- Ничего я не дергаюсь, - Саша посмотрел на часы.
Без пяти три.
Маша пришла ровно в три.

*

Решили, что мясо лучше съесть, пока оно горячее. Разогретое не так вкусно. Маша пошла мыть руки. Посмотрела на скляночки, стоящие в ванне на полке, какой косметикой Женя пользуется? Польский крем какой-то... Понюхала флакончик с духами. Пластмассовая крышечка; сирийская подделка. Не потрясающе.

Мясо съели. Сперва не о чем было говорить. Говорили о всякой ерунде, чтобы не молчать, потому что молчание, нависая даже на короткое время, звучало как-то непристойно и опасно. Против воли казалось, что сидящие вокруг слышат твои мысли. А так... Саша смотрел на Женю и Машу и думал о том, что ему нравится, что они сидят здесь перед ним обе. Для обеих он - "мой мужчина". Как приятно! Он с аппетитом ел мясо и чувствовал, как адреналин волнует ему кровь и его это возбуждает. Но... на долю секунды он представил, Женя вдруг все поняла и закатила скандал. Это было бы ужасно! Да, надо вести себя осторожно.

Заговорили о Кастанеде, потом о снах и о всякой тонкой материи, предчувствии, стали вспоминать разные случаи из жизни, и оказалось, что у Маши с Женей много похожих историй. Оказалось, что во многом их вкусы совпадают, у обеих любимый цвет - черный. Мужчины им нравятся приблизительно одного типа. И получилось, что этот тип имеет мало что общего с Сашей. Музыка им нравится тоже одинаковая и тусовки: обе предпочитают мужские компании. Беседа стала увлекательной. Саша почти не вмешивался. Перебрались в комнату. Втроем уселись на разостланный на полу ковер.

- У меня такое чувство, - сказала Маша, - что мы с тобой встретились в прошлой жизни.

- Да.
И Жене так казалось.

Маша подумала, что Саша не ошибался: Женя и вправду чем-то на нее похожа. Только она - простая. Смешанное чувство превосходства и близости. И игры. Вот они сидят и так мило беседуют, а муж Жени - ее любовник, он ее любит, и Маша может сделать с ним все, что пожелает. Как забавно, что они так мило беседуют. И еще - вот что: Машу к ней влечет.

А Женю? Она смотрит так, разглядывает. Конечно да, ей нравится Маша. Только она ведь не дурочка. Нет, что-то она чувствует...

Женя чувствовала. Запах опасности, привкус опасности во рту. Между ее мужем и этой его однокурсницей что-то есть. Дружба? Слишком много трепета у Саши в голосе для дружбы, слишком много блеска в глазах. А Маша? Что Саша для нее? Этого Женя не могла понять. Она такая, вся из себя, зачем ей Саша?

Саша стал вспоминать какой-то эпизод из рассказов донна Хуана. Женя видела, он на Машу смотрит, ей рассказывает. Лишь иногда бросит взгляд на жену. Она всегда думала, что любит Сашу. Но если задать вопрос так, в лоб, как "быть или быть?" Любит?

Вдруг боль резанула, прошла по сердцу, будто вспорола грудь.
" - Сукин сын! Как он смотрит на нее! А я тогда - кто для него? Дурочка? Здравсьте!"

ГЛАВА 11. ПРИЗРАК ИГРЫ

А ведь еще совсем недавно жизнь казалась скучной. Можно было только гадать, подкинет ли "завтра" что-нибудь, что бы малость пошалить, капельку нервы пощекотать. А тут! Бог мой! Будто карманы теперь набиты контрамарками на весь сезон вперед, и не куда-нибудь, а на спектакль собственной жизни.

Я - в главной роли. Я - в ярком свете софитов. Игра. И все закрученной сюжет, все новые крутые повороты, ото дня ко дню все интересней. Да здравствует игра! А где кончается игра и начинается жизнь? Не понять, пока не опустится занавес и не погаснет свет. Тогда-то и узнаем, кто выиграл, кто проиграл. Но игра - не для выигрыша. Игра - как искусство для искусства, "вещь в себе". В игру можно играть, но нельзя жить. И как только играющие возжелают победу больше, чем игру, игра их покидает.

Опускается занавес.

ГЛАВА 12. СЕРПАНТИН

Саша, Женя и Маша стали дружить вместе. Теперь Саша с Машей встречались у него на квартире, когда Жени не было дома. А вечера часто проводили втроем.

Сидели на полу на ковре, пили вермут и говорили о всяких потусторонностях, монадах и эманациях. Говорят... а думают о другом, взгляды вскользь и читают мысли друг у друга. Между ними напряжение, будто невидимый дух-соблазнитель щекочет бархатными пальчиками. Надо только решиться...

"- Любопытно посмотреть, как поступит Саша, если я вдруг переклочусь на Женю. Хочу посмотреть ..."

"- Если я ему скажу, что обо всем догадалась, устрою скандал - что? А вдруг он уйдет к ней?! Нет-у-жки! Ни за что! Я сделаю ему больно. Кажется, эта Маша тоже не против. Объединиться с ней, на время, против Саши..."

*

Игра, как водоворот - затягивает.

Чарующее чувство - влечение, ночь за окном, обволакивающий взгляд, долгая беседа, вино, легкость в теле - все можно! Серпантин. - Догони! За поворотом: - Опц! Иди смелее! - Рука к руке, касание, дрожь. И зритель есть - Он. Не вслух, но ты знаешь, и я знаю, мой "Мой" и твой "Мой". Чей - он? Да Бог с ним! Губы сплелись. Долгий поцелуй.

А Саша стоял и не знал, куда себя девать и что делать, и что сказать. Его женщины лежат на его постели и целуются с закрытыми глазами, не видят его. Что сказать? Стоял, смотрел, сказал что смог: - Ну, вы девочки даете! Я вам не мешаю?

Ах, родной, разве ж ты можешь помешать!

Прошло так. Саша нашел себе в утешение: - Раз им можно, получается, что и мне можно? Вот и хорошо.

Он не многого хотел, он хотел радоваться жизни.

Только это - много.

ГЛАВА 13. ВРЕМЯ

Как мир хитро устроен, солнце заходит, темно, луна, а потом свет. Так день нанизывается на день, и в этом обманчивом однообразии незамеченное, как воришка-озорник, убегает время. А вдруг прижмешь руку к груди: - Тише, сердце! - оглянешься вокруг, и как все изменилось! Одно перестало и обернулось другим.

Маша работала в газете "Деловой Мир". Саша на пару с однокурсником Витей открыл рекламное агентство и снял офис в том же здании, где работала Маша. Встречались каждый день у большого мраморного подоконника на лестничном пролете между четвертым и пятым этажом. И никак было не наговориться.

И однажды Маша подумала, что смотрит на Сашу и не может насмотреться. Любуется. Казалось бы, что любоваться, разве он - красавец? А все хочется смотреть. И однажды ей захотелось быть с ним настоящей, открытой, не заигрывать, не ранить. Однажды стало так покойно и тепло рядом с ним. Как назвать? Раньше хотелось, а теперь расхотелось играть с ним. И с Женей.

"- Все! Не хочу его больше делить!"

ГЛАВА 14. РАСЧЛЕНЕНКА

Весна - это очень важно. Может, потому что зима под конец портится, превращается в слякоть. А тут вдруг тепло, и на голых деревьях вдруг - почки! И человеку тоже хочется сделать что-нибудь эдакое, замечательное.

Весна была. Окно распахнуто, а оттуда - апрель, воздух дрожит от возбуждения, жизнь, природа источает желание и такой волнующий запах! Настроение - беситься, сходить с ума!

- Мы столько выпили и так давно не спали, что у меня скоро начнется измененка, - сказала Маша.

И в ответ на Женин удивленно-вопросительный взгляд объяснила:

- Измененка - состояние измененного сознания.

Саша подхватил Машу и посадил на шкаф. Маша посмотрела вниз; высоко как! Стала бить ногами: - Саша, сними меня! Сними меня сейчас же!

- Не сниму! Твое теперь место - наверху!

- Не хочу наверху! На пол хочу!

- А я вот не хочу! Будешь теперь Маша на шкафу!

"- Спрыгнуть что ли? Страшно как-то". - Хочешь, чтоб я шею себе сломала?

- Именно шею? - еле сдерживая смех, Саша сделал серьезное лицо - Не знаю.

- Ужасный ты человек! Сними меня! - и вдруг мысль такая, Маша закатилась от смеха - Я сама не слезу со шкафа, потому что у меня - измененка. А у тебя - расчлененка!

Ну куда от правды деться? Саша смущенно захрюкал - как смешно, глянул мельком на Женю. Она посмотрела на мужа, на Машу и не улыбнулась.

"- Расчлененка у него. Сыта по горло. Все!"

*

Больше втроем они не встречались.

ГЛАВА 15. ВДВОЕМ

Маша сказала: - Я тебя люблю.

- Правда?

- Да!

*

Когда ночью Женя засыпала, Саша слушал ее дыхание. Дыхание становилось ровным, тихим. Спит. Он прокрадывался на кухню. Не включая свет, набирал номер Маши.

Когда первое буйство страсти уляжется, приоткрывается сладкая сердцевина: доверие, забота, нежность. И слова, что говорят шепотом.

*

Она говорила: - Я хочу быть с тобой

- Я тоже хочу быть с тобой.

- Я хочу уснуть рядом с тобой. Я хочу проснуться рядом с тобой. У меня тут дождь пошел. А у тебя дождь идет?

- Идет. Немножко. Ты знаешь?...

- Что?

- Я тебя люблю очень.

- Тогда приходи ко мне

- ... Когда я буду старым, ты меня будешь любить?

- Ты будешь лысым и скрюченным, а я буду... самой очаровательной старушкой во дворе.

- Ты меня любишь?

- ... Я хочу, чтобы ты был рядом, здесь. Ты хочешь?

- Я хочу все, чего хочешь ты.

- Я хочу заниматься любовью. Я хочу заниматься любовью!

Что мне делать?

- Подожди до завтра.

- Не хочу ждать до завтра! Я хочу тебя.

- Я тоже тебя хочу...

*

Однажды Женя проснулась ночью, босиком прошла в коридор. Голос мужа, шепот, но слова разобрать: "- Маша, я тебя люблю". Пол холодный. Чувство, будто стоишь по грудь в грязной воде. Тошно. О..о..очень больно!

Но она ни слова не сказала. Пошла обратно, легла в постель.

ГЛАВА 16. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ САШИ

Саша снял зал в небольшом ресторанчике на Маросейке. Гостей было много, шумно, весело. Саша сидел во главе стола, Маша и Женя по его правую и левую руку. Друг напротив друга. Вдруг взгляды встретятся и как сталь о железо - искра! Маша вышла в дамскую комнату, а когда вернулась, Женя протянула ей бокал:

- Давай выпьем за нас, баб, и за наше бабское счастье.

- Честно говоря, я пока себя бабой не чувствую. Но я могу выпить за твое бабское счастье.

- Хорошо. - Женя скривила лицо. - Пей за мое.

Расхотелось пить. Но не скажешь же - нет, не выльешь же вино на пол? Маша выпила. И сразу пошла танцевать. Подальше от Жени... Потом все вдруг поплыло перед глазами, голоса, будто из трубы... кажется, что больше шагу не ступишь. Саша подошел: - Потанцуем? - обнял. Маша повисла на нем, прошептала: - Посади меня в такси.

Где-то напоследок в памяти - взгляд Жени. Стояла, смотрела... Но не до этого стало. И еще, кажется, Саша что-то говорил.

Только бы до дому добраться! Подъезд, лифт, дверь... Мама спросила: - Что так рано вернулась?

Маша свалилась на постель и сразу уснула.

ГЛАВА 17. ВОЙНА

Война - дело молодых, лекарство от морщин. - пел Виктор Цой. Может быть. Может быть.

ГЛАВА 18. НЕНАВИСТЬ

А вот что, Женя подмешала в бокал клофелин. Но - мало. Много - убить можно? Убить - ужасно! Невозможно убить. Но - ненависть.

Маша проснулась на другой день под вечер.

Мама сказала: - Саша звонит.

- Что с тобой было? - спросил.

- Ничего. Не важно.

ГЛАВА 19. ВЫБОР

Когда жизнь протягивает два зажатых кулачка - правый, левый? Ткнешь пальцем не глядя. Это называют случаем и судьбой. И волей того, кто на небесах.

А если это - раскрытые ладони? Тогда выбор - твой, и ответ за него держать - тебе. Это называется - поступок.

Порой кажется, жизни не хватит не ошибиться.

Примета такая, если жизнь протянула на выбор раскрытые ладони, значит, где-то притаился момент истины. О тебе родимом. Какова тебе будет цена... в судный день.

Конечно, до этого дня еще очень далеко.

ГЛАВА 20. ВЫБОР (ПЕРВАЯ ИСТОРИЯ)

Однажды углы, которые осторожно, затаив дыхание, обходишь, становятся слишком острыми. Слишком ранят, и больше не можешь жить, дыша в полгруды, живя в полсовести.

Маша сидела на широком мраморном подоконнике на лестничной клетке между четвертым и пятым этажом. Поджав ноги,

уткнувшись подбородком в колени, смотрела в окно. Ждала этих слов:

- Я хочу быть с тобой. Я решил, я уйду от жены. Я сниму квартиру. И мы будем с тобой вместе, - сказал Саша.

- Ты сможешь? - спросила.

- Я решил.

- А когда?

- Давай встретимся здесь, через два дня, и я отдам тебе ключи от нашей квартиры.

- А как ты так быстро найдешь квартиру?

- Квартира есть.

- Тогда через два дня, здесь...

И долгий-долгий поцелуй. И не важно, что кругом люди ходят. Потому что - любовь.

ГЛАВА 21. ВЫБОР (ВТОРАЯ ИСТОРИЯ)

Через два дня Саша позвонил Маше на работу.

- Давай встретимся у нашего окна.

- Когда?

- Сейчас.

Маша первая пришла. Села на подоконник. Посмотрела на свои ладони и заслушалась, о чем бьется сердце: "как хорошо - счастье, сейчас я тебя - увижу, я хочу всегда помнить - эту минуту".

Саша спустился к ней по лестнице, держал протянутой вперед руку, в руке - конверт. Смотрел в глаза. А лицо - чужое. Что? Еще - улыбки нет. Но что? Конверт. Взяла. Запечатанный... Почему? Разорвала, там - пудреница. Ее. А..а..а., ее пудреница. А она думала, что потеряла...

- А ключи - где? - сказала, потому что спросить, что с лицом стало, что с глазами - не сумела. Слишком неожиданно вдруг, и вдруг - и самой понятно, и..и... сердце замолчало, сжалось.

- Когда я вчера стал собирать вещи, с Женей случился сердечный приступ. Я не могу ее бросить, потому что она умрет. "Самая любимая - ты! На всю мою жизнь - ты!" - он не сказал. Это было бы - низко. Никогда так остро он не чувствовал любви - как удушье. Ее лицо стало... как картина, что сжигают в пламени. Он смотрел ей в глаза, чтобы чувствовать всю эту боль, как свое наказание.

Ему казалось, страдания искупят его вину.

*

...Саша снял квартиру, заплатил за месяц вперед. Теперь оставалось только поговорить с Женей. Но она ведь и так обо всем догадывается. Все - все быстрее закончить и..и.. Бог мой! Какое будет счастье! Он мысленно возвращался в квартиру, которую только что снял, и видел утро, в которое он с Машей просыпаются вместе. Сидят в постели...

Можно было собрать вещи и уйти, и оставить Женю записку. Но так поступить - трусливо. И он дождался ее. И все сказал. Она рыдала так - он никогда не слышал такого звука. Она упала на колени и сказала: - Если ты уйдешь, я умру!

*

Так давно Женя ждала - этого. Тысячу раз передумала - что она скажет, как поступить. Она сразу догадалась - что, по его виду, раньше, чем он слово сказал - по страху, что бегал в его глазах. И сразу поняла, что она его - победит. Только это надо сделать. И вдруг как исступление нашло, и легко стало. Как со стороны, как чужой - она слышала свой вопль, видела, как валяется на полу, у его ног. Никогда, никогда, никогда она ему этого не простит!

*

Маша сидела, плакала и хотела ухватить в себе правду - оттого, что любовь, или оттого, что проиграла? И то, и другое нестерпимо больно. И глупо, паршиво, ведь он не любит Женю! Он - не будет с ней счастлив! Так - зачем надо? Кому - хорошо? Этой стервозной сучке! Она - победила. Зачем он ей, который ее не любит? Пригодится в хозяйстве? Как - больно!

Н-е-е-т! Маша тоже не может проиграть! Она - проиграть?! Это - невозможно!

*

Маша позвонила Саше и сказала: - Приходи! Мне очень надо. Приходи!

Саша посмотрел на Женю и сказал: - Это Маша. Но не волнуйся.

Я тебе обещал.

- Я тебе верю.

*

Они сидели в машине под окнами Машиного дома. Как в кино, на заказ, шел дождь. Маша плакала, плакала, уже не думая о том, идет ли ей - так кривить лицо:

- Я очень тебя люблю! Ты делаешь глупость. Никому не будет хорошо! Я очень тебя люблю. Я хочу быть с тобой. Ты меня - любишь? Поцелуй меня! Я не могу без тебя. Ты понимаешь - я тебя люблю, мне без тебя - будет очень плохо! У меня душа болит. Поцелуй меня...

- Не могу. Я дал слово.

- Мне ты тоже дал слово...

- Маша! Все...

- Посмотри на меня!

Он посмотрел. И вспомнил все обиды, которые она ему когда-либо наносила. Он подумал, она плачет - некрасивая. Чуть помогло.

Маша открыла дверцу и вышла. Если б она задержалась, он бы, наверно, умер.

*

Хотя, это только так кажется, что легко умереть. Все не так просто; захотел - умер.

ГЛАВА 22. ВЫБОР (ТРЕТЬЯ ИСТОРИЯ)

Прошло три года. Маша встретила Петю, они стали жить вместе. Однажды позвонила мама и сказала, что звонил Саша.

- Какой Саша?

- Ну, вот тот, твой однокурсник... Оставил телефон, просил позвонить.

Маша позвонила, и они встретились.

Саша сказал, что женой они расстались, она сама ушла. Что он по-прежнему любит Машу, так же сильно, как и всегда любил. Сказал: - Может, попробуем еще раз? Если я еще что-нибудь для тебя значу.

Сказал: - Подумай.

Попросил: - Напиши мне письмо.

*

Маша сидела над белым листом и думала о том, что мучило ее все эти годы. Какая-нибудь умирающая любовь и обида, и боль сплетутся в тугую удавку. И кажется, что "жить без тебя не могу!" Но - не правда, никто не любит предателей. Это обида, что превратилась в стыд, стыд, как пятно на платье.

И вот - кончилось. Кончилось, когда он сказал, что любит ее, что всегда любил, что хочет быть с ней.

Такая легкость.

Она написала: "Подумай, нужно ли тебе это. А если решишь, что нужно, подумай еще раз".

P. S.

ГЛАВА 23. ЖИЗНЕУТВЕРЖДАЮЩАЯ, НАПЕВНАЯ

Как много всего хорошего на свете! Как хорошо достать из книжки засохшую травинку, взять атласные красные губы с лейблом - I LOVE YOU, маленькую игрушку-собачку с длинными ушами - твои подарки, положить все это в пакетик и выбросить без щемящей сердце боли куда-нибудь на свалку, выбросить и забыть. И не помнить больше, что однажды был такой же, как сегодня, день, в котором я и ты были вместе.

Конец

Александр КЕИНАШВИЛИ

ЗОЛОТО И СВИНЕЦ

(Фрагменты)

1. Наш диалог.

- Кто из них станет со мной в одном ряду, когда начнется бой?
Кто озолотит крылья ветра?

- Они несутся вдаль и не слышат упрёков.

- А если зима растает и тайное солнце расцветет на просторе?

- Солнце ушло за звенящие, живые горы и стало, как было до прихода света

- А вдруг сердце изменит свою орбиту, вдруг зазвонят онемевшие колокола?

- Они стонут в земле, они живые и мёртвые. Но им не видать белого света.

- Был один зов посреди океана огня, был один сын у правды и лжи, где он теперь.

- Если огонь горяч, а вода мокра, если правда светла, а ложь - похотлива, то кто смешает их в кругу заклинаний?

- Грядут они, любовь и смерть, идут они, сокрушая страну за страной. Их дыхание опалает, их шаги отрезвляют. Ничто не сдержит их мощь.

- Но кто остановит ночь, прокрадывающуюся в души?

- Любовь одна имеет крылья, у ненависти лишь стальные зубы. И реют в небе белые флаги крови.

- Поэты и бездны, вулканы и самоцветы, всё то, что распродано нищим, сдано в бесконечность, распято и сгинет, и начнется снова, мимо белоснежных горных пиков, мимо богатых городов и цветущих лугов, у людей на устах.

- И снова весна без конца и начала.

2.

Что вечность? Капли огня.

Что юность? Нож в бушующем небе. Баталии цветов, десятибальный штиль в черепах моего города, города, где нет времени.

Я помню, в детстве моём все дома пылали вдоль улиц, бродили львы, и на головы сыпался пепел - небо было пьяно.

Корни пробудились, с двух сторон земли они росли к весне, они тянулись к весне. Малое питало их, малое хранило их, путеводной звездой их было то малое, что хватает для жизни.

Когда освободившись от зловонных погребов, на небо восходила чёрная дыра, затмив ночное светило, и лилась кровью вместо дождя.

Тогда в безмолвных муках, в тисках живоносного воздуха, возникали люди на водной глади, они были послушны и милы, как демоны печали, и влачили свои промокшие крылья в соленых брызгах волн.

Что за причуды ночной фантазии, что за переливы мистической флейты?

Усыпальница, полная золотых костей - та, перед которой они до сих пор стоят на коленях. В них не было зла. В их бурлящем сознании не было силы.

То был праздник малого города - и все предместья сливались вдоль рек и звучали в такт дождю.

И я был тогда с ними. Но теперь: холодный мрамор на полу. Светящиеся узоры на колоннах. Переливающиеся шары света на треножниках, таинственные знаки на стрелках, искры и пламя на стенах. И в центре - фигура женщины с огненными глазами.

А за ней стоят врата, полные света, врата, уводящие в неведомый нашим чувствам мир, полный Непознанного.

- Но который был час? - Сейчас нет часов.

3. Дерево познания Любви и Зла.

Было так: змеи вились, и окаменевшие деревья стояли крепко. Они приобщались к огню, они пили огонь, и он растекался по сучьям, по жилам, по нервам до самой сути их каменной плоти. Волны росы сотрясали горячее утро. Трава была ни жива ни мертва. Молитвы святых редко достигали самого дна, где на медленном огне покоились старые души. Из чрева жирной земли красными цветами лились лавы. Шум крыльев полудней-полуптиц звучал, как выстрелы. Древние могилы, усыпальницы царей в полете над бездной земли. И хороводом в опалённом небе - букеты мечты. То была песнь корней.

Или было так: поутру загремели трубы. Тела воскресли, и воскреснув, исчезли в золотом свете. Небо расколосось на мысли. В стране волхвов люди слились со временем единым целым. Лист за листом ложились на землю саваны звезд. В густой траве пропали дивные следы, но кто их оставил? Месяц и плоть. Замки, брошенные в вечность, с поникшими штандартами. Сирины и алконосты выли на этом пути. Это была песня листьев.

Когда весь мир кажется цветком детства, когда обнажённая истина предстает удивлённому взору - в лабиринтах вселенского огня рождается новая звезда. А когда мир становится алчной догмой, возникает другая звезда. Звезда хашишинов. Звезда асаинов-убийц, она воплощается в ваших снах.

Цветы святых сердец, познающие наше вечное "завтра", свободные от своих корней. Культы играют ветрами, в метафизических снах отбивая такт. И весь мир преобразился. То была песня цветов.

Ещё было так: святая плоть, приносящая нам жизнь, она смешана с кровью, которая льется, как сок со спелого острова посреди неистовых морей. Та плоть - как завершение пути. Как Альфа и Омега, как стихия, и так же неумолима. Мир древнее нашего мира, хор мощнее грома. Водовороты и смерчи, стаи драконов, потревожившие рассвет. Всё, что утаили небеса, всё, что украли ветры и съела ржа, всё это тут. И снова в бой.

То была песня плодов.

4.

Я снова вспомнил молчание детства. Разве вы не радовались тогда каждому новому дню вместе со мной? Ночь уходила вдаль, её отражение на глубокой воде будило зарю. Знающий сокровенные тайны просыпался в ваших глазах.

Путники бредут по дорогам любви с коралловыми талисманами, путники уходят навек и уводят с собой юных матерей, облака страны моего детства и дыхание возлюбленной мира. Любовь, ты ищешь себя, но не находишь, твои образы святы и субтильны, ты всегда в плену у своей красоты. Сомкни глаза, забудь навеки, прикоснись, укрой и помилуй! Я в плену у птиц, я в земле ягуаров и змей.

О, Прекрасное Небо Не-Земли! О, Великая Суть морей! Как желанны ваши слова.

Я шепчу ветру, я снова и снова шепчу ветру все твои имена, и он разнесёт их по свету и посеет во влажной тьме бескорыстия. Я всегда один, последний из первых, я шепчу ветру о новой надежде.

Ты горишь, как факел, как солнце, сверкаешь как молния, сила твоя - в деревьях и спелых плодах.

Среди пустынной ночи раздался звук свирели.

Я снова увидел тебя, я похитил твой образ у тьмы, так отопри же врата. Но лето, полное глаз, стережёт тебя.

А я растворился в песках, меня нет, я там и я тут, я стал тобой и собой.

О, Небо Не-Земли! О, волны печали! Забиты скалы на ваших плахах, тигры и львы воют на улицах ваших. Трава пронзает звёздную ночь!

Пока ты не вспомнишь меня, я горю, как тысячелетия свеч. В моей груди - полдень, в глазах моих - полночь. День и ночь сражались в душе моей, и нет ни покоя, ни сна.

Я шепчу, я снова буду шептать ветру о стране, где не заходит солнце, о прохладной тени столетий, о волшебных садах и живых родниках! И ветер бродит по свету.

И солнце придет сюда, где я был так одинок, но не был собой.

5.

Возьми мою тень, Владыка!

Сыграй эту жизнь снова! Застынь в своем величии!

"У глаз есть слезы, у мира есть песни и поэты".

Если бы я только мог создавать молодость из пустоты, из ничего.

Пусть будет благословенна Пустота. Пути ее полны благоговения.

Я был слишком молод и мечтал о жизни. Грядущее манит меня своей простотой.

"В смерти - жизнь", - сказал он и вознёсся на небеса. Мы все последовали за ним. Небеса были открыты, любовь пела при свете звёзд.

"Я знаю, что будет", - сказал правый глаз левому. "Он не знает, что было", - ответил левый глаз.

Мир равен себе, мир принадлежит всем.

О ты, собирающий все тени, твой венок уже увял, и кошки свернулись в клубок.

6.

Всю жизнь я собирал росу и звон колоколов, теперь мои крома полны до краёв. Я бережно подставил их дождю и открыл дверь. Ночь вошла ко мне. Проснись! Пришло время отправиться в неведомые дали, пришла ночь-отрада. Длинные тени её, странные её песни. То не ветер дует в развалинах старинного замка, и то не гром гремит и несётся с небес.

Так проснись, дай мне руку, и мы понесемся вдаль со скоростью мысли.

Восторг полетит нам вдогонку.

Ночь росы пробудила легионы цветов. Она спросит тебя: "Где имя твоё?". Но не отвечай. Она спросит тебя: "Сколько дней твоих?". Но не отвечай. Она восславит тебя, и зазвонят звёзды в ее волосах, и вспыхнет месяц у неё на груди. Иди со мной, не бойся. Небо ясное, дорога легка. Войди со мной в ночь огня и любви, ночь драгоценной росы, ночь глубочайшего звона.

7.

Был ли родник приветлив с тобой?

Была ли ты мила дню, и улыбнулся ли тебе закат?

Вся природа говорила с тобой, и сверкали самоцветы.

Чистое дыхание неба, оно волнуется тебя.

Как прекрасны ленты на твоих плечах, ветер распустил твои волосы.

Магический пепел и чаша бытия на столе твоём. Гость из далёкой страны спешит к тебе - поля и леса слышат его шаги.

Ты говорила с ветром, ты спрашивала мороз о любви, ты встречала ураган, но не было слов в твоих речах.

Снова заводи полны света.

Он знает тебя. Впустишь ли его в дом? Покрывало лежит на столе, к берегам причаливают люди из сна. Кто-то стоит за молчаливыми деревьями, кто-то соткан из тьмы и воды.

Он ждет лишь твоего знака.

Выходи, ибо за морем появилась новая звезда.

СТИХИ

Александр

КЕИНАШВИЛИ

ПШЕНИЧНОЕ ПОЛЕ

- Скажи мне, пшеничное поле, куда твои волны уходят?

- Мне ведомы скрытые тропы, ведущие в тайны деревьев
И в соловьиные трели, где утро рососою хмелело.

- А если закат над тобою, куда ты спасёшься от боли?

- Меня небеса накроют стоглазым своим одеялом
В их чёрных зрачках схоронюсь я, в восточных шелках и оливах.
- Скажи мне, Тело Христово, кого ты здесь ждёшь неотступно?
- Я жду только вечной крови, крови святой, животворной,
Славу и Чашу Грааля из девственной глины упругой.

- Какие сны тебе снятся, когда между зорь пролетает
Тебя охраняющий ветер?

- Мне снятся сады или гроздьи и руки снегов разноцветных,
В младенцах ожившее море и люди с распахнутым сердцем.

- Но ночь холодна и все зёрна в колосьях твоих прозябают.

- Как входит в секунды вечность, как капли едины с морем,
Душа моя, сытая Солнцем, с огнём так живёт неразлучно.
Не знают ни звери, ни дети о соках, во мне восходящих
Навстречу огромному небу из чрева земли плодоносной.

- Что ты знаешь о жизни, о чудных природы созданиях,
О хороводах созвездий, о времени загнутых пальцев?

- Я знаю извечный голод и ночи дыхания сухое,
Заголосят мои корни, протянут к Луне ладони.
Кто даст им воды напиться - Любовь, а быть может, розы?
И только Вечерние Звёзды кропят дождями святыми,
И золотом душу наполняют Люди босые с серпами.

Зерно становится жизнью

Лишь после смерти.

Люди и дождь.

Колосья шевелит ветер.

* * *

Чтобы запомнить святое сердце
Море слезами ладони согрело
Небо в корнях и стволе поместилось.

В замке старинном, пустом и нетленном,
На карнавале, на пыльной арене
Насмерть сражались любовь и сердце.

На мшистых камнях, на холодных надгробьях
Напишут сонет об утерянных чарах.
В нём - пустота, колдовство океанов,

Но кто победит нас - разлука или небо?
Кто закричит поутру вместо ночи?
Кто имя даст отголоскам тумана?

Но не разбиты шторы деревьев
Не выдохлась буря в обрубах смерти
Горит ясным светом слеза на Голгофе.

Вгрызаются в полночь молитвы и горы
 Любовью по горло глаза мои сыты
 Страницы от горя зарёй полыхают

На небе железном - тоска без исхода!
 А в книге, за тысячью сдвинутых ставень,
 Душа моя намертво впаялась в ливень...

* * *

Прости, что я опоздал, я провёл триста лет в плену у созвездий
 Но с годами становится ясно, что время ползёт по прямым
 И в сиянии света воссел на престол
 Князь Винограда и Архиепископ Пшеницы
 Жизнь остаётся чудом, но с каждым сказанным словом
 Ума у людей остаётся всё меньше
 В лицо мне смотрит прозрачность осенней звезды
 Она ждёт продолжения - жди, курок уже нажат
 И все внезапно осознали, что той звезды уж нет
 В самом главном вине, как всегда, не было яда
 Но с каждой секундой Солнце всё ближе и ближе
 В соединении ветров возник мотив саэты
 И сердце растопило льды на сотни километров
 И каждая строка слагалась в стих
 И лился дождь и гром гремел, преодолев давление неба
 Неизмеримость любой высоты распугала всех белых птиц
 Тихо лампа сверкает, встречая закат
 И стрелы летят до сих пор, неизменно свистя
 И если глазам хочется видеть наш смех,
 И если я стал сияющим днём - всё это произойдёт по благодати
 Ощущение крови стучится в ваш дом между веком и пеплом
 Город снова влюблялся в себя, в чистый воздух, в молчание рек
 И мне хотелось идти, потому что мой путь от века свободен
 Краски поблекли, ночь опустилась в окно
 Это может быть лето, а может весна - кто знает, у кого больше дел
 Но на Север уходит Восток - ему всё равно
 Заскрипит калитка в ночной тишине
 Свинец закипит и запляшут костры
 Все дети заснули, их дыхание вливается в воздух
 Они беззащитны, как море. И тот, кто всё знал - всё забыл
 И в том была вина всех виноделов
 И читая псалмы, рыбы отправились в путь
 На ту сторону ртути, где нет притяжения
 Флюгер дрожал, проповедуя несопротивление ветру
 Зеркало сбросило тяжесть стекла
 И стало собой, растворив все отражения в горьком вине
 Тиканье часов неотвратимо, но бесполезно
 Когда звёзды приподняли ресницы
 Мёртвый колокол спел, закипели ключи
 И в память созвездий отпечатан твой взгляд
 В эту и в каждую ночь папоротник зацветёт
 И раскроются клады, и что ни попросишь - всё произойдёт
 И сам Господь ищет тебя, и даже если сейчас - Страшный Суд
 Он обнимет тебя и поцелует, и, благословляя, скажет:
 "Прощаю..."

* * *

Где нет речей, нет песен, нет покоя
 Там воздух стал предчувствием измены
 Любовь та светлая, как вспышка зноя
 Потухла, умерла - и взвыли стены
 Когда во власти тишины и мрака
 Укрылись льдом луна и гобелены
 Когда мороз прошёл по жилам злаков
 Кинжал отравленный, от крови пьяный
 И сердце-ножны, змей немые знаки -

В круговращенье смут и в битве океана.
 Так пусть меж нами нету снов и лета
 Цветов, что в тишине кричат в туманах
 Всего лишь пара слов - и кровь согрета
 Всего лишь сердце, ослепляющее, мне бы
 Восстань, любовь, из древнего сонета
 Венчай дыхания вина и хлеба
 Даруй врагам зимы рассвет укромный
 И пушечный удар по стали неба
 Весна поджала хвост, как пёс бездомный
 Рассыпался мой стон - огню преграда
 В душе сокрытой громко и скромно
 Ревут колокола и водопады
 И в лабиринтах вечного молчания
 Падёт звезда от райских врат до ада
 В страну снегов, у края мироздания
 И ангелы стоят сплошной стеною
 На страже её чистого страдания

* * *

Скоро в путь
 И ход часов опять несвоевремен
 Уже идёт по жилам кипятков
 И пальцы тронут струны
 И год прошёл, но сквозь тебя
 Оставив в себе тайну.
 Стал стук колёс неразличим
 И неразлучен с тишиной
 Я сжёг последние стихи
 И вышел на улицу под дождь
 Там, где деревья в пустоте
 Там, где цветы любят молчание
 И непонятны сны
 И непонятно почему рассвет был обручён
 С проросшим летом
 Колокола звонят, открыв
 Пространство талых звуков
 Но дождь прошёл - сверкают ангелы росы
 Так странно быть среди весны
 Среди оживших рек
 Свеча опять сгорела на столе,
 Оставив миру пустоту
 И нерушимость простоты
 И всё, что нужно, ждёт нас впереди
 Где люди ищут отражение звезды
 Что одолев пространство
 Превращает воду в молоко
 Но срок пришёл, заварен чай
 Помечен этот день
 И вписан в линии ладоней
 Уж соткан город из узоров наготы
 И всё, что остаётся от тепла
 Разлито по стаканам
 И так приятно ощущать
 Свою причастность бытию
 Так хочется сказать
 Что Рай открыт и ждёт гостей
 И кто увидит нас тогда
 Тот всё поймёт без слов
 И скажет он: "я видел свет"
 Мы вышли из грозы, мы помним -
 Скоро в путь.

Ваханг БУАЧИДЗЕ

МОЙ ЧЕТВЕРТАК

Гнобили в пятьдесят восьмую осень,
Гнобили в осень пятьдесят седьмую.
Извечная статья "пятьдесят восемь",
Когда ты слово говоришь не всуе.
Когда ты слово честно произносишь,
А это слово не по нраву УКу, -
И ты уже в спине заточку носишь,
Как государства подлую науку.
А, может, как завет от мамы с папой...
"Червонец" мамы - он недосыгаем -
К "семерику" отцовскому этапом
Опять спешит энкэвдэшным краем.
И где-то там среди барачной стыни
Под вертухайским несмежённым веком
Словами изъясняются простыми
За то же два пленённых человека.
Здесь можно говорить сколько угодно,
Но говорить и здесь старайся тише:
Как власть не станет никогда народной,
Так и острог не может быть без крыши...
У мамы с папой на двоих - семнадцать,
Восемь - твоих... И что у нас в итоге?
Уже рука ни с кем не хочет драться,
Но и душа не хочет "делать ноги"
Из той страны, в которой ты родился,
И где тебя прилюдно оплевали...
И пусть плевок обратно возвратился, -
Страну нам жалко. А страна едва ли
Когда-нибудь твой четвертак признает
За право говорить в лицо без лестии...
Ей по фиг всё! Страна и не узнает,
Что ты всю жизнь свою был с нею вместе.

ЕЩЁ РАЗ SORRY

"Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда..." -
Ахматова сказала. Я же "sorry"
Вам говорю ещё раз. Не беда,
Конечно, что меж нами отнюшенья,
Пожалуй, не срослись бы никогда.
Но, чёрт возьми, в какое-то мгновенье
Моя душа пережила смущенье,
И ангел тот, что за моим плечом
Молчит, не говоря мне ни о чём,
Беспечности всё передоверяя,
Вдруг встрепенулся, и ворота рая
На крепкий прародительский замок
Закрыв надёжно... Мне оставил сор,
Напомнив всё же, что из сора можно
Произвести на белый свет два ложа:
Любовное и ложе для... ружья,
Стволами устремлённого в меня.

ВДОГОН

Давай махнём на фотодефиле...
Разок - и детства недопониманье,
Другой - и Блок на мамином столе,
А на стене - тень папиных метаний.

Услышаны молитвы. И господь
К тебе губами прикоснулся тихо -
Удача перешла на иноходь,
Но так и не пристопорилось лихо...
Так кто быстрее? Вовремя, впапад
Всегда приходит мудрое забвеньё
Пустых побед и тягостных утрат,
Нам посланных во имя избавленья
От тягостных утрат, пустых побед,
Которые страшнее предыдущих.
Ступай, Наташа, твёрдо - след во след,
И да благословит тебя идущий
Бесповоротным шагом за тобой...
Проигрывая, побеждать не мне ли?!
Присматриваюсь к следу: верно - мой,
Оглядываюсь: нет прекрасней цели!
Щелчок...

ХАБАРДА

Монолог вакийского грузчика Димы.

Эй, расступитесь-ка, коллеги по работе,
Товарищи по игрищам ума
Нетонкого, но бывшего в почёте
У всех, кому остроги да сума
Роднее братьев и сестры любимой.
Их у меня - несметная орда.
Они расступятся, дадут дорогу Диме, -
Достаточно мне крикнуть: "Хабарда!"
А что же мои светские соседи?
Небось, балконный выставят дозор,
Когда я крикну: "Хабарда! Мы едем!"
И к дому подгоню таксомотор.
Возможно, кто-то поперхнётся дымом
На радость нестерильному колю,
Завидев вновь, как старый грузчик Дима
Домой привозит молодость свою.
Наследники экс-президентской рати,
Отправившей давно меня на слом,
Насторожатся: стану ли марасть я
Чернильным смехом королевский дом,
Что разместился по соседству, рядом?
И королевна мстительно горда,
Прожаживаясь нашим круглым садом,
Сама мне крикнет: "Дима, хабарда!"
И я, вакийский грузчик без манишки,
Критиковавший королевский слог,
Под коим материальные излишки
Попали в королевский же чертог. -
Безбашенной ответчу королевне:
"Я вынес грузный срам на Божий суд,
И государю горше и напевней,
Чем Вам, ещё архангелы споют
Про эти непотребные делишки..."
И расплююсь с ней разом, если вдруг
Блатные сберегательные книжки
Посыплются из загребущих рук
На голову мою или на ноги...
Я выдюжу, как в прежние года,
И крикну шобле: "Прочь с моей дороги!"
Я с ценной ношей ныне! Хабарда!"
Остановившись на десятом литре
Амброзии - другого мы не пьём, -

Друг спросит у меня: "Послушай,
Дмитрий!
Кого ты внёс так бережно в свой дом?"
Наш разговор продолжится на кухне.
В гостиной. В спальне. Среди пустоты.
Но лишь в лесу Шервудском филин ухнет
- Из-под покровы ночи выйдешь ты.

ОТВЛЕКИСЬ ОТ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Ну, как тут не прислушаться к совету,
И не нажить, а углубить хворобу?!
Полжизни ты скитаешься по свету,
То в тогу облачаешься, то в робу.
Желаниями то повелеваешь,
То сладкому сдаёшься подъяремью,
И зная то, что ничего не знаешь,
У времени выигрываешь время...
Так кажется тебе. И это, право,
Не худшее от той болезни средство.
Да только это жизнь, а не забава -
Не впасть бы, дядя, в собственное детство.
Ну, а пока послушай Джеймса Ласта.
Пусть твой осенний день уже темнеет -
Зануд неприкасаемая каста
Касательства, как видно, не имеет
К тебе ещё... Но и в смурном подпитьё
Ты никогда уже не будешь то же.
Кто тут в гостях? Мгновение продлите!
Мы друг на друга чуточку похожи...

НОЧНОЙ ПОЕЗД

Дикий степ молодых пассажиров
Пробуравил вагонное дно.
Им по двадцать. А мне не до жиру -
Быть бы живу. Однако и но -
Не смотрите, лихие танцоры,
На меня, как на отблеск огня.
Вас не всех и, возможно, нескорю
Оприходует участь моя.
Да. Такая. Незнамо откуда
В психотело нежданно вошла -
Не от голода и не от блуда,
Не божественна и не грешна,
Не строптива и не молчалива,
Не беспамятная и в уме.
Улыбнулся я ей несчастливо -
Несчастливо аукнулось мне.
А когда на раскатистый отзвук
Камертонный откликнулся звук, -
Стало ясно: суровую прозу
Можно гнать без перронных разлук.
О любви же занятную повесть -
Неприрученной или ручной -
Ты напишешь, коль будет в ней поезд...
И желательно всё же - ночной!..

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ПОЛИГЛОТА

Живите в радости! Хай Вам завжди
щастить!
Убудут пусть досадные проблемы.
Пусть в светлый дом Ваш гостей зачстит
Достоинство советов тётки Эммы.
Живите в радости! И складочки на лбу
Выравнивайте в складчину со смехом,

А трудный лад, отметивший судьбу,
 Переплавлишь в клавишное эхо.
 Живите в радости! В бесслезном далеке.
 В спокойной близости. В долговечной паре.
 Есть сын. Есть дочь. Окно на сквозняке.
 Живите в радости! Поклон Вам! ☺

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ

Сосед Анзор... Мал мала меньше -
 деток...
 Почти пяток... На всех не напасть
 Ни круп, ни молока. И плачет сеголеток, -
 Так хочется ему поговорить за жисть.
 Голодный сычужок... Сосок у мамки
 розов.
 И борется с нуждой остаток молока.
 И всё-таки в стихи перерастает проза:
 У женщины опять уширились бока...
 Мари, Кето, Нино и юный совладелец
 Отцовской фирмы "Кафельщик Анзор"
 По имени Георгий, крепкий перец, -
 Приветствуют родительский задор
 И скрип пружин кроватных на рассвете...
 Порочные зачатия страну
 Лишь укрепят. А за страну в ответе
 Уже ей подаривший четверню
 Угрюмый кафельщик с министром-
 оборонцем,
 Угробившим другую четверню
 В другой стране, под негругинским
 солнцем
 За дяде Сёме нужную херню.
 Решительно ненужную Анзору...
 Ему нагнать бы виноградный сок
 И к детскому - в четыре крика - хору
 Добавить пятый... Качественно! В срок!

ОЗАРЕНИЕ

Ах, мама, ну зачем меня Орестом
 Вы с папенькой когда-то нарекли?!
 Теперь неясно мне, каким же местом
 Я думаю природе вопреки.
 Нет, с черепной коробкой всё в порядке.
 Она ещё нигде не дала течь, -
 И значит, с костной ткани взятки гладки.
 Какую же не удалось сберечь?
 Какую? Подскажите! В непонятках
 Барахтаюсь, как в ледяной воде.
 Нет недостатка в творческих задатках,
 Но к творчеству не прикипел нигде.
 Быть может, моя пассия подскажет,
 Какую ткань мне удалось сберечь.
 Но это надо с пассией мне лечь, -
 Когда и где - уж как там карта ляжет...
 И ляжет ли вообще?! Не в этом суть.
 А в том, что ткань стремится к вертикали.
 Но пассии меня не обмануть:
 И снова ткань моя в горизонтали.
 Но это частность. Про другое я.
 Про ткань, в которой есть начатки
 мысли...
 Смеётся хитро пассия моя,
 А у меня в башке мозги прокисли.
 Беда бедой! И не видать ни зги
 В моей судьбе... Но вспомнил я, что
 мякоть,

Ткань мягкую в башке зовут "мозги",
 И, стало быть, мне не пристало плакать
 По поводу того, что я Орест.
 Так, значит, не ошиблись папа с мамой!
 Я думаю одним из мягких мест...
 Ну, в общем, мягкой тканью... Этой
 самой!..

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

А где твой плащ, в котором провожала
 Ты в рекруты товарищей своих?
 Не впилося ли в него износа жало,
 И он в шкафу безрадостно затих?
 А может быть, в миг дерзкой непогоды
 К девчонке по-соседски перейдя,
 Он подарил ей глубь твоей природы,
 И ты в ней долго видела себя?
 А не тогда ль, смахнув слезу украдкой,
 Ты отдала кому-то из ребят
 Свой белый пыльник, ставший белой
 скаткой,
 Пока шинель не получил солдат?
 Ну, вспомни, вспомни! Это так серьёзно -
 Жизнь воскресить утерянных вещей.
 Пусть в памяти. Но в тёплой, не
 морозной.
 В крови и плоти. Без святых мощей.
 Не можется? Тогда оно и лучше. -
 Жизнь без потерь. Чего ещё хотеть?
 В прихожую! Вот плащ твой. Милый
 случай
 Подкарауль, чтоб вновь его надеть.

У ПОДНОЖИЯ БЁРНСА. ФОТО

Что можно позаимствовать у Бёрнса
 Поэту средней, скажем так, руки?
 Он, как и Бёрнс, на женщину опёрся,
 Пытаясь завершить свои круги
 В блуждании по непонятным сферам,
 Где рай от ада трудноразличим,
 И где лицу среди тысячи личин
 Не отыскаться ни за каким хером...
 Пардон! Но так же выражался Роб,
 Не заслужив ни разу укоризны.
 Поэт же среднерукий сходит в гроб,
 Товариществом будучи лишь признан.
 Хоть он любил ячменное зерно,
 Вполне вероятно, даже больше Бёрнса.
 Но не сгубило всё-таки оно
 Его, как Роба. И не той увлёкся,
 Видать, он бабой, если и она
 Не довела поэта до могилы...
 А ведь звалась поэтом самой милой -
 Точь-в-точь, как Робом женщина одна.
 Мудрец сказал, что каждому - своё.
 Бессмертье - Бёрнсу. Остальным на
 время -
 Жизнь бранных тел. Но не загинет племя
 Людей, сменивших гиблое враньё
 И прочее такое в этом роде
 На дерзкий исторический момент:
 Марина, Бёрнс и... общий постамент
 В шотландском славном городе
 Арброте.

В ДРУГОМ КОБУЛЕТИ

Купались мы с тобой в дождливом лете,
 К ж/д вокзалу подбираясь в плывах.
 Субтропкурортлагзона Кобулети,
 Свой резкий вклад в мою судьбу восславь.
 Магнолия вблизи рододендрона
 Струила непонятный аромат, -
 Как только может быть во время оно,
 Когда ты Бог и чёрт тебе не брат.
 В крутую историческую пору,
 С пинг-понгом чередуя дань молве,
 Давал отцу я маленькую фору
 И пропадал в пучинной синеве.
 И выплывал, отцовской чести вторя,
 Чуть впереди, ещё не зная, как
 В концзаводь обратиться это море,
 И дом прибрежный - в лагерный барак.
 В пресс-хату превратится Сакартвело,
 Вся жизнь моя - в сплошной аттракцион,
 Где даже "booster" из Цицинателы
 От истинного риска отстранён.
 Страна не приняла моей опеки...
 Но устыдились жалкой наготы
 Большие наши политчеловеки
 И начали сводить свои понты
 И счёты с беззащитным Кобулети,
 Не отстоявшим свой Шервудский лес -
 В нём Робина секли царёвой плетью
 Опричники от шайки спецповес.
 А спецбойцы от шайки лесостругов
 На память о шервудских дедях мне
 Оставили единственный в округе
 Пирамидальный тополёк в окне.
 Не кончилось моё сквозное действие -
 По Станиславскому - приморским
 сквозняком...
 Шервудский тополь в кобулетском детстве,
 Ты был всегда мне верным маяком.
 Ты вскормишь поросль. Облесятся вскоре
 И разрастутся горы до небес.
 За мной должок. И кобулетским морем
 Я вновь уйду в родной Шервудский лес.

ЛАБИРИНТ

Мне уже не уйти от ночной шелковистой
 травы,
 И по осени поздней хранит она блеск
 изумруда.
 Я добра не ищу. Не боюсь напоротья на
 худо,-
 Пусть у худа своё пониманье несносной
 молвы.
 У молвы пусть своё пониманье нечестого
 чуда,
 Но как только молва начинает о чуде судить -
 Вековое добро очень часто является худу,
 И в союзе таком не способны они учудить
 Ничего горюевого!.. И значит: добра нет без
 худа.
 Мне уже никуда не уйти от несносной
 молвы.
 Положусь на судьбу, как добро, полагаясь
 на чудо,
 Не встречается с худом, как с всадником без
 головы...

Переводы

Мария ФАРГИ

Из Паоло Яшвили

Письмо Елены Дариани Анне Ахматовой

Я тебе соболезную -
Умер Блок.
Каждый перед болью злою
Одинок.

Приезжай! Как две сестрицы,
Будем мы.
Сбрось агонию столицы
И зимы.

Летние сады Мтацминды
Скроют нас.
Померанцевого принца
Бог не спас.

Вас туманы обманули,
Каторжан.
Здесь - Испания в июле!
Приезжай!

У меня судьба другая...
Кто поймёт?
Солнце глянцевого края
Щёки жжёт.

Сладко на груди Тамары
Спит валун.
Подарю тебе над Джвари
Девять лун.

* * *
Устало
запястье
От яркой
коралловой
Цепи.
Я в пасти
удава.
И он
меня любит
И лепит.

Устало
запястье
От жаркой
коралловой
Цепи.
То режет
на части,
То в честь меня
служит
Молебн.

Устало
запястье
от жалкой
коралловой
Цепи.
Невольники
страсти,
Мы прокляты
Богом
Навеки.

Елена Дариани пишет
просто и сбивчиво.

Должно быть, ночью будет ветер.
Мой муж опять ушёл к певичке.
Ко мне вернётся на рассвете.
Не плачьте, алычи-сестрички!

Давно уж в пламени камина
Горят мои девичьи грёзы.
Обед приправлю горсткой тмина.
Цветут... Ох, не было б мороза!

Притащит утром он гребёнку
Моей соперницы несчастной.
Даст бог, рожу ему ребёнка.
Иль разорву его на части.

Прикажет строго: - Дай напиток
Мне из персидского кувшина.
И сладко скрипнет половица
О том, что в доме есть мужчина.

Я славная жена, наверно.
Он целовал меня сегодня.
В ночь выброшу, уже не первый,
Вином облитый галстук модный.

А что он смелый - не жалею.
Мне потакать ему привычно.
Мой драгоценный, пьяный, вечный!..
Уснёт он раньше, как обычно.

Из Валериана Гаприндашвили

Море

Морю хочется быть мелким,
Как нежнейшая колибри.
Утром с маленькой постельки
Прыгать в радостные игры.

Море сбрасывает тяжесть
Волн громадных океану.
И во сне, от страсти влажном,
Видит ножку китайки.

Всё большое пахнет ложью.
И пивкой в сердце - вечность...
От любви, наверно, можно
Каплей спрятаться в колечке.

Ощутить укол булавки!
Жить без славы и без цели.
Попугайчиком из лавки
Век раскачивать качели.

Но пришла со свитой фурий,
На воде чертила имя,
В маске, чёрной, словно буря,
Женщина с губами злыми.

Море взвилось, закипело!
Столб, закрученный, как Эйфель.
И себя не пожалело -
Стало королеве шлейфом.

Из Терентия Гранели

Я и Галактион

Был болен, умирал вчера.
Сестра сейчас, наверно, плачет.
Он - демон. Властелин пера.
Я - ангел. Всё во мне иначе.

Уже как будто бы вдали
Мой милый сад и день холодный...
В Галактионе - свет Земли.
Небесный луч - мой братец сводный.

Врач рядом. Вечер. Смерти нет.
И ночь со мной поступит честно.
В Галактионе - синий цвет.
В моих стихах сияет бездна.

Был болен. Умирал вчера.
Сестра сейчас, наверно, плачет.
Он - демон. Властелин пера.
Я - ангел. Всё во мне иначе.

Весенний вечер

Вечер сияет пасхальным яичком.
С ветки на ветку прыгнула птичка.

Тает душа в ожиданье полёта.
Незабываем единственный кто-то...

Тянутся к небу длинные ночи.
Радость больная тело источит.

Вот и готово новое зелье!
Луна устала смотреть на Землю.

Вечер сияет пасхальным яичком.
С ветки на ветку прыгнула птичка.

Мольба о полёте

Секунда восторга,
Привычная мысль:
- О, Боже! Из торга
Умчи меня ввысь...

Где руку вверх поднял
Грех твой в небеси,
Безумствуй - сегодня!
Сам завтра - спаси.

В неистовом вальсе
Пространство гудит.
О, Боже! На Марсе
Меня разбуди.

Служу панихиду
Я - сад твой пустой.
Прости мне обиду
И сном удостой.

ГОСТЬ

Сухбат АФЛАТУНИ

Евгений Абдуллаев(Сухбат Афлатуни) родился 19 апреля 1971 года в Намангане. Закончил философский факультет Ташкентского государственного университета, работает в Программе Развития ООН. Филолог, преподаватель логики. Один из основателей творческого объединения "Ташкентская поэтическая школа" и альманаха "Малый шелковый путь". Лауреат премии "Дебют" журнала "Октябрь". Стихи и проза публиковались в журналах "Звезда Востока", "Восток свыше", "Знамя", "Арион", "Октябрь", "Новая Юность", "Интерпоэзия", "Литературный Азербайджан", альманахах "Малый шелковый путь" и других. Автор книг стихов "Псалмы и наброски", "Пейзаж с отрезанным ухом", "+39". Первый лауреат "Русской премии" (2005) за произведение "Ташкентский роман". Живет в Ташкенте.

Турфанский фрагмент № 111

Я, ссыльный согдийский чиновник,
Живу на границе Китая;
Я был каллиграф и любовник -
О том и о том вспоминаю;
И помню я больше, чем знаю.

Я нарды кладу на колени,
Подарок любовницы первой.
Нет, первый подарок последней -
Походные нарды из кедра;
Я их прикрываю от ветра.

Напротив садится китаец,
Пропитанный запахом чая:
Он в нарды игрок и скиталец,
И всё. Я, китайский не зная,
Вино в толмачи нанимаю.

девушка трогает
его за руку
идут
по базару

покупают морковь
картошку
он лезет рукой
в ладошку

она не сопротивляется
вечерний базар
из нее выделяется вещество румянца
застилая глаза

продавщица усымы
благословляет их вслед
ее на продление смысла
его на осмысление рода
замечая что один из них слеп
но вдвоем они роза

не жизнь но полужизнь но
четвертьжизнь
и крыша купол ржавый парашют
гремит матерчатая жесть
ее снимают и несут

притормози падение мое
к тем видишь наползающим корням
ты колесница взятая внаем
и ты дитя просящее ням-ням

Прямо по сердцу плывет - пароход...
что это движется там вдальеке
это твой папа идет налегке
по суху аки по водам идет
смелое сердце стучит в пиджаке
в печень плывет пароход

не говори папа больше не пей
ты все равно ему что воробей
или знакомый нарколог-еврей
или часть мамы твоей

вырастешь
это когда на тебе
станут заметны живот и жена
жесткое что-то на верхней губе
и подбородке удвоенном на

не говори мама я же большой
ты все равно без шарфа и босой
вылитый муж не крути головой
ключ повтори! под дорожкой входной

вырастешь
это когда твоя тень
вытянется и сухой каблучок
будет клевать ее целясь в висок

вырастешь
выйдешь навстречу воде

и оправдаешь
когда на тебе
с кожи шагреновой выдохнутся
мамы июньской касанья во тьме
солнечный нет! подзатыльник отца

и оправдаешь
заметный насквозь
полупрозрачный по пояс в реке
детства насильственно-сладкий
наркоз
вот оно движется там вдальеке
выставишь желтой медузой живот
с шерстью - вся в радуге - мокрый
в песке -
и за тобой приплывет пароход

зима мокрый мех
зверь убит и остужен чтобы было
тепло
из негнущихся веток плетёт макраме
кто-то в раме крючками стуча
о стекло

ни камина ни связок перца на окнах
в ступке соль

жаль зверя
у которого кожу украли
жаль тебя снимающую пальто

с этим заплаканным мехом

когда долго любишь одно и то же
начинаешь говорить одно и то же
молотый кофе смешиваешь
со снегом
общаешься с йогом

не замечая

что вертишься по второму третьему
кругу
твой звукосниматель ушёл к другу
ищешь между рамами
вчерашний йогурт

а в голове где должна быть к твоим
тридцати - мудрость
теперь пустота как после Батя и
Лао-Цзы
и если услышишь: му-урзик!
му-урзик!

не сразу поймёшь
что Мурзик - это кто-то другой
(а не ты)

итак ты сказала что контракт
расторгнут
а я ответил что я растроган
январь окончен
покрылся коркой
потрогай

а ты сказала что тебе так тесно
в этом свитере пальто городе мире
а я леплю облака из теста
и вылепил уже четыре

а ты-то считала что я растоптан
что в горле не ком а целая комната
и я в ней старею как пенелопа
мужского рода

а я хотя и был надорван
как конверт в котором хранили
чабрец перец буквы

но всё-таки остался добрым
 поэтому спасибо тебе за время
 которое ты потратила на моё сердце
 я обещаю дать твоё имя
 пятому облаку вылепленному

из теста

* * *

чабрец эфириноносный кустарник
 проникает в мои дни
 странник жёлтых страниц - держу
 подстаканник
 обожжённые губы саднит

кого целовать - чей вызубрить запах
 наперник выпотрошен; перья
 запутываются в волосах
 подстаканник прямо из рук уплывает
 на запад
 блеснув где-то в железнодорожных
 лесах

* * *

отдых
 по дороге в египет
 людей и животных
 обречённых на гибель
 скрылись от ирода
 стоят в обнимку
 позируя
 для чёрно-жёлтого снимка

* * *

когда я не смогу любить
 всё будет так как прежде:
 я утром хлеб ржаной нарежу
 и ржавый кофе стану пить

* * *

темя пробив, в тело входит дождь
 уходит, смешанный с кровью.
 любовь - двести тысяч лье под водой
 глинистой, здешней, коровьей

делаю шаг - и теряю себя;
 в груди - обмелевший аквариум:
 сор, краснозем, ломтик дождя
 дергается, неприкаян

руку продень - ко мне - сквозь дождь
 светлыми пальцами встретись
 музыка, ты сквозь меня течешь -

что ж

будь между нами - третьей

корова стоит и пьёт - партитура пятен
 темя болит; кляксы крови дрожат на
 асфальте

* * *

неужели поцелуи мои - укусы
 а губы - жало овода, зуб змия
 целуюсь регулярно с первого курса
 у тебя же - такая вдруг аллергия

тут бы отхлынуть, пожать плечами
 только плечи исчезли, на их месте -
 крылья
 не скажу как у ангела - не исключаю
 как у рыбы-ангела - то есть, рыбы

или же поцелуй - глотанье наживки
 где рыбак и рыба - неразличимы?
 приласкай у виска голубую жилку
 я впадаю в тебя, как Волга -
 но снова мимо

доброй ночи - в метро я вхожу
 по пояс
 губы превращаются в рыбу; у нее
 твой голос

* * *

договорились: не видь меня
 пройди сквозь меня - сквозь куст
 кроной своей непривитой
 тебя пропустив, сомкнушь

не видь - только выслушай сутолоку
 тобою разбитых ветвей
 и листья - строители сумрака
 тебе просвистят в ответ

не видь - но позволь быть невидимым
 смеясь, сквозь меня пронесись - я
 костью древесной вытянусь
 к тебе - ты почувствуешь листья

и снова сомкнушь за тобой -
 осенний, бог знает какой

* * *

Самолеты поют, великанский
 раскинув невод.

Се - охота на рыб, не имеющих честь,
 на хватателей наших детей, волков
 в чешуе.
 Из волос матерей этот невод,
 мелкочаеист,
 и ползет его край по земле, застревая
 в репье.

Рыбья стая, как жирная туча,
 завесила солнце;
 видят летчики, невод несущие,
 тысячи глаз,
 беспокойные жабры, взметнувшийся
 социум.
 Замыкается невод, аннулирую рыбу
 как класс.

А внизу - купола, что восторгом
 раздутые щеки,
 в муравьях прикипевшей к биноклям
 толпы.

В небе бьет Царь природы
 Заместителя в руки и ноги,
 и коричневой кровью пылают
 кучевыестолпы.

Царь природы изрек, усмехаясь
 в клокочущий невод:

"Я надеюсь, что прочие твари
 сделают вывод
 и не станут для брани со мною
 выискивать повод".

Школьный двор чешуею засыпало -
 не год,
 а сплошные субботники, никаких
 зримых выгод:
 подметай, невзирая на прогнозы погод.

* * *

поэт не должен быть поэтом
 ловцом небесных чаевых
 он должен быть простым солдатом
 на пыльных башнях дождевых

поэт не должен быть богатым
 от слова отданного в рост
 он должен хлюпать в этих кедах
 по мутным улицам вперед

* * *

маленькие города
 гордые имена
 так же течет вода
 граждане ходят на

высунься из окна
 воздух лизни рукой
 клейкая тишина
 ну а теперь другой

дом дом и снова дом
 пауза пустыря
 чувствуешь животом
 это твоя земля?

* * *

какое счастье этот парк
 закат блуждает в облаках
 а по земле гуляют люди
 и держат за крыло детей

октябрь царскою рукой
 их кормит спелой листвой
 но топчут люди подношенье
 и дальше с шорохом идут

снуют качели вниз и вверх
 и ветер вдаль относит смех
 куда-то за границы парка
 в троллейбус где старуха-Парка
 прядет и вяжет и молчит

а на земле гуляют люди
 в погасшем лиственном салюте
 друг другу отдают салют
 и гномов за собой ведут
 и нас с тобой не замечают

а мы сидим цедея вино
 а наверху уже темно
 там летописец книги судеб
 зажег прохладную свечу

Very Loose

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ВЫСТАВКЕ

“Все... нет мечты”

* * *

При первом же взгляде выяснилось: рисунки Аси Умаровой оставляют неоднозначное впечатление. Попробуюсь это объяснить...

Помню, однажды с друзьями мы спорили насчет того, статична ли живопись - спор начался из-за какого-то образа в стихотворении, которое я уже и не помню. Если быть точным, спор был о том, может ли живописное полотно или рисунок быть не статичным, т.е. содержать в себе некое движение, действие. Дискуссия была весьма эмоциональной, мы разделились на тех, кто был убежден, что живопись в принципе статична, - и на тех, кто утверждал, что даже остановленное мгновение, содержащее действие, или какой-то сюжет, или просто изображенное движение, может считаться не статичным.

В случае с Асей - дело даже не столько в наличии действия, движения, угадывающегося сюжета или непростых метафор в ее рисунках. Они просто показались мне более емкими, чем обычная графика. Эти скрытые слои восприятия, возникающие при первом же знакомстве с рисунком - не те, что бывают, допустим, в иллюстрации к какому-нибудь литературному произведению. Нет, они не вторичны - они первичны. Они содержались в рисунке с самого начала, формировались вместе с ним.

Каждый рисунок воспринимается и как графика, и как стихотворный образ, и как небольшой рассказ, и как мелодия (непроста в рисунках Аси так часты образы музыкальных инструментов). Это все там есть, потому что каждая история-мелодия-рисунок могла бы стать стихо-

творением или песней, или новеллой. И совершенно без ущерба для ее первоначального замысла.

Это не сверхъестественное явление. Искусствам свойственно взаимопроникновение. Вспомните хотя бы довольно распространенное мнение о том, что многие стихотворения - до того, как они стали песнями, - уже содержат в себе некую внутреннюю мелодию (интонационную, ритмическую), которая часто помогает музыканту услышать, как должно создавать музыку на эти слова. А есть и стихотворения, которые совершенно не звучат - но от этого не становятся хуже или лучше.

Возможно, там, где не хватает слов или звуков, лучше браться за более сдержанный, но такой искренний и лаконичный карандаш. Все равно получается, что сказано - не словами, не мелодией, - но сказано.

Сусанна АРМЕНИЯН

* * *

Что собой представляют графические работы художницы Аси Умаровой? С одной стороны, они не соответствуют традиционному представлению о графике, выполненной художником-профессионалом. С другой стороны - это четкие идеи, которые могли бы найти

“Права человека”

свое воплощение как в рассказе, так и в статье. Ася Умарова - журналист и прозаик, для нее не составит большого труда вложить конкретную идею в художественную прозу или передать как журналисту эту же идею через статью для журнала. Но почему они нашли свое выражение и на бумаге, посредством туши и простого карандаша? Для меня остается открытым этот вопрос, ответ на который находится глубоко в подсознании. И если мы попытаемся заглянуть в себя, услышать себя, может, каждый из нас и найдет свой внутренний компас, где

стрелка всегда указывает путь, имя которому - творчество...

В своих работах Ася затрагивает остро-социальные темы, права человека...

Социальный конфликт пронизывает многие ее работы, на первый взгляд, казалось бы, не имеющие к нему отношения.

“Жизнь”

Рисунок "Жизнь" - в центре композиции парящая в воздухе виолончель. Невидимая рука водит смычком по струнам, как бы вопреки, или в ответ свисту пролетающей мимо виолончели пули. Бархатный звук, извлеченный из глубины инструмента, поднимается над пронзительной в своей экспрессии реальностью. Тут, несомненно, присутствует конфликт, конфликт вечного, высокого, но не с повседневностью, а, к сожалению, с войной, которая стала уже неотъемлемой частью жизни...

В работе под названием "Все... нет мечты" - открытый пустой футляр от виолончели, аккуратный газон, похожий на щетку, лежащую щетиной вверх, на земле капли дождя, в своей статике принявшие форму кнопок и гвоздей - острием кверху. На этой земле уже нет места мечте, птицам, ничему живому...

... "мечта-виолончель", в работе "Поддержка", лежит на вертикально стоящих

“Поддержка”

футлярах от виолончелей, создающих своего рода пьедестал. Дождя нет, но на земле опять капли-кнопки, капли-шпы, словно отлитые из какого-то металла. Может, это тяжелые тучи проливаются свинцовым дождем...?

Но нет, небо, как часто можно заметить на картинах Аси - ничем не прикрытый космос. Нет облаков, туч, только мерцающие звезды, образующие легкий контур движущейся спирально галактики.

Как-то, на очередной встрече в поэтическом кружке, мы с Асей оказались рядом. Она держала в руке шариковую ручку и рисовала на листе бумаги такое же "небо". Заметив мой взгляд, Ася улынулась и сказала: "...Я всегда рисую, чтобы приковать себя к данной минуте... быть всегда здесь..."

На рисунке "Когда ты одна" - в углу пустой комнаты на полу сидит девочка. Под потолком подвешены воздушные

"Любовь"

шары, от них вниз тянутся ниточки, и на каждой завязан бантик.

Нам часто в лесу, на пути к храму встречаются деревья с завязанными почти на каждой ветке лентами или матерчатыми лоскутами.

Так, завязывая узелки, мы загадываем желанья. Деревья желаний, их поднятые высь ветви устремляют наши мечты к Небу, и мы пытаемся последовать за ними туда... Хотя на мгновение оторвавшись от земли.

Ада ДЖИЛАВДАРОВА

* * *

Фонд Кавказа при содействии тбилисской галереи "Вернисаж" организовал выставку молодой, талантливой чеченской художницы Аси Умаровой.

В галерее было выставлено около 30 работ. Первая персональная выставка Аси прошла в Чечне в 2009 году. Последние две - в этом году, в Тбилиси.

Ася Умарова рисует с детства. На создание одного рисунка у нее уходит целый день, который она проводит, как затворница, в одиночестве и тишине.

- Ася, почему Вы рисуете, в основном, карандашом?

- Во время войны в Чечне я оставалась в республике, и поэтому о красках, фломастерах и цветных карандашах пришлось забыть. У меня были только простые карандаши, уголь из печки, шариковые ручки, тушь и перо. А вместо бумаги, бывало, я использовала обратную сторону обоев и коробки из-под конфет.

...Кто-то сказал мне, что творчество должно идти от души, и с этим нужно согласиться, потому что, взглянув на работы Аси, постигаешь ее душу. Рассматривая каждый рисунок, ты радуешься и грустишь вместе с ней, ведь, несмотря на все трудности, она пронесла веру в добро и надежду на лучшее будущее в своем хрупком сердце.

Рисунок под названием "Война" передает всю боль человека, который, соприкоснувшись раз с этим кошмаром, всю жизнь будет залечивать эти незримые раны. Солдатский сапог, пытающийся раздавить ребенка - это метафора того, что происходит, когда человек получает власть, а мы становимся беззащитными,

"Война"

как дети, перед военной машиной зла. Кто-то на войне теряет своих родных, кто-то покидает свой дом, а ребенок - теряет свое детство. Война - это потерянное детство, утраченные мечты и унесенные жизни.

Когда мы видим, как наш любимый город разрушают снаряды, нас охватывает бессилие. Именно так называется одна из работ Аси - "Бессилие". Ты осознаешь, что бессилён потому, что укрывшись в убежище, вздрагиваешь при каждом взрыве и при каждой автоматной очереди. Ребенок на этой картине наблюдает за разрушением того, что ему дорого. Бессилие сковало его, он пронесет боль и утраты в своем сердце через всю свою жизнь.

У каждого человека в жизни есть выбор. Когда мы рождаемся, перед нами открываются две дороги. Одна темная, а

другая светлая. По которой из них ступать - решать нам. Об этом - рисунок "Есть выбор". Светлый путь требует терпения, смелости и больших усилий.

"Клавиши жизни"

Темный путь не требует от нас никаких усилий, ведь мы получаем все, чего хотим. Но однажды мы осознаем, что все это просто иллюзии, проплывающие мимо нас, как облака.

Рисунок под названием "Клавиши жизни" показался мне аллегорией нашего жизненного пути - когда человек разочаровывается в том, во что он верил, клавиши, до того звучавшие и создававшие гармонию, ломаются, выпадают из строя общей клавиатуры. И так каждый раз, пока последняя клавиша не сломается - и больше не останется мечты.

Напоследок хочу пожелать Асе Умаровой удачи, творческих побед - и чтобы никогда ни одна клавиша ее жизни не теряла своего звучания.

Нино ПРАНГИШВИЛИ

Ася Умарова родилась в 1985 г., в г. Городовиковск, с 1993 г. живет в Чеченской республике. Окончила Чеченский Государственный Университет по специальности "журналистика" и постдипломный курс в Кавказском Институте СМИ в Ереване. Статьи публиковались в России, в Грузии, в Армении, во Франции и Великобритании. Увлекается графикой. Работы выставлялись в России, в Америке, в Италии, в Германии, в Польше, в Грузии, в Бельгии. С 2002 по 2003 гг. была актрисой в молодежном театре "Жималла" (Юность). В 2005 г. - солистка-вокалистка гос. ансамбля песни и танца "НОХЧО" и ансамбля "Заманхо". Иллюстрировала детский чеченский журнал "Рауда".

В 2007 г. выиграла международный конкурс ООН и прошла трехмесячную стажировку по правам национальных меньшинств в Женеве.

Повести публиковались в литературном журнале "Нана", журналах "Юность", "Звезда". Дипломант I Конкурса молодых русскоязычных литераторов Грузии (2011).

Ракурс

Николай ЛОМИДЗЕ

ЗАМЕТКА О ГАМЛЕТЕ

Он простой, обыкновенный человек: не великая трагическая личность, лишенная человеческих черт, не мститель без снисхождения и жалости. Это как раз наш случай. Единственная, быть может, его необычность - в честности. Во всем остальном он такой же, как и любой первый встречный. Заблуждение видеть в нем некоего мстителя, либо отчаявшегося человека. Кто из нас

лишен этих эмоций? Не стоит его осуждать или превозносить - это слишком поверхностно. Всякий мог бы оказаться на его месте, будь он немного честнее, чем есть теперь перед другими и перед самим собой, в особенности. Он не стремится ни преобразовывать мир, ни покидать его, а только хочет жить в порядочном мире. Мы ведь тоже этого хотим. И, может быть, продолжая незаметное существование свое, он не пенял бы на окружающую несправедливость и вероломства, если бы не призрак убитого отца.

Призрак имеет то же значение и играет ту же роль в отношении к Гамлету, что и спектакль "Мышеловка" в отношении к королю. Первый увидел призрачность жизни, второй - темное нутро своей действительности и своего положения. Оба после этого начинают действовать друг против друга.

Центральный вопрос: "Быть или не быть", - это вершина, на которую, по-моему, нельзя взобраться, к ней можно приблизиться и разглядывать издали, но водрузить на нее какую-либо точную дефиницию вряд ли возможно. Этот неприступный вопрос, ввергающий мысль в кровь, непосредственно касается назначения человека в мире и так же непосредственно выбивает человека из него. Это трагедия. Дознание этого вопроса чревато гамлетовским умопомешательством, при условии, что ты честен.

На подъеме к вершине нам встречается ее подобие - оно-то и помогает приблизиться к пограничному состоянию "быть или не быть". С самого первого появления Гамлета (1-й акт, 2-я сцена) это подобие возникает как указатель направления к главной вершине. Гамлет

говорит о том, что ему кажется и что не кажется, реагируя на слова своей презренной матери о своем умершем отце. Он знает, что ему не кажется то, что кажется, это: плащ, одежды, виды, знаки скорби, дыхание и все обличья, - "в них только то, что кажется и может быть игрою".

Это тот случай, когда человек не собирается благоустроить мир или свое королевство, не собирается быть ученым или философом, не собирается даже быть влюбленным и возлюбленным, хотя к этому приходит в крайнем случае, он никуда не уходит и остается в мире, при этом видя его тленность, зная, что он есть "кажется". Ему достоверно известно одно, - что все это ему не кажется. И он продолжает быть, но уже как *не-быть*; в качестве того, кто знает, что это "быть" есть ничто.

Вот конкретное положение Гамлета, приводящее к окровавленным мыслям. И оставаясь над бездной, над этой иррациональной бездонностью, герой никем не запрещенному безумству предается во имя правды.

Это не есть философия, кровавым мыслям не место в ней; это, скорее, проблема бытийствования дофилософская и сугубо человеческая. Гамлетовская ситуация - это некое искание смысла жизни, не прибегая к ученым измышлениям.

Жизнь для Гамлета призрачна. Это улавливается в трех местах. В первый раз, когда Горацио рассказывает Гамлету о призраке, - реакция Гамлета: "Это очень странно", ответ Горацио: "Как то, что я живу". И так, жизнь странна.

Затем еще о жизни: "Люди - шуты природы", и все это проговаривается на фоне призрака. И в третий раз, где Гамлет закалывает Полония, где опять появляется призрак, и это тоже о жизни, именно о кончине жизни человеческой. И так, источник жизни странен и непонятен; течение ее шутовское; а конец может быть случайным, неизвестным, глупым. Свою жизнь Гамлет ценит меньше, чем булавку, он совершенно не боится с ней расстаться, охотнее бы расстался с ней, а не с кем-либо другим. Тем не менее, он не идет на самоубийство. На самоубийство Богом наложен запрет, и Гамлет не нарушает его. Он признает Бога и не выступает против него, он выступает против мира и тех бесчестностей и бесчинств, которые царят в нем. Но он не бунтарь. Мир для него тюрьма - и превосходная, - он состоит из всего используемого и преходящего. Гамлет прекрасно различает все прекрасное в природе, во вселенной, в человеке, "...но что для меня эта квинтэссенция праха?".

Что для человека эта прекрасная поверхность, можно ли на ней твердо стоять, не лучше ли отдалиться внутренней свободе, замкнувшись в ореховую скорлупу, и чувствовать в ней себя царем бесконечного пространства, чем существовать на поверхности мира?

Обыденный читатель по привычке ждет развязку вообще и ищет ее в финале. Но разве трагедия жизни может закончиться? "Гамлет" не имеет развязки. Надо сломить в себе публичное отношение к нему.

Из книги "ТИМОН"

Все, до чего я могу дотянуться рукой, потрогать, пощупать, ведь все это далеко отстоит от меня, чужое мне, но и знакомо, привычно. Стоит задуматься об этом - и охватывает дрожь: весь этот привычный, обыкновенный, обиходный мир выступает ничем иным, как предметностью. С этой бездейственной и инертной в себе, даже мертвенной бытовой наружностью, я нахожусь в связи. Знает ли человек, сколько чего он делает необдуманно, по привычке? По

привычке, по заведенному порядку он говорит, слушает, реагирует. А вывод из всего этого таков: этот мир настолько привычен мне, насколько не обдуман мной. Как только стараешься обдумать его, органически в нем состоять, он проявляется, по сути, как чуждый. А ведь это уже страшно. Страшно оттого, что в обдуманном мире только одиночеству и остается место, так как только к нему невозможно привыкнуть. Поэтому, разве должно удивляться, что, помимо человека бытового, есть еще человек стихийный, который не может жить без ветра, без моря, без грозы, без земли, который неотделим от них, они - продолжение его, а он - венец их. И, если начистоту, то разве каждый из нас постоянно не рвется от одного к другому? Конечно, рвется. И в нашем цивилизованном мире это проявляется по-разному. Но обдумывать мир - это не шутка. И не только потому, что рискуешь впасть в существенное одиночество, но еще потому, что само одиночество в цивилизованном обществе принимает разные интересные формы, обществом же для такого случая введенные. Не чревато ли обдумывание тем, что однажды может появиться кто-то, кто скажет: "Да, конечно, вы арестованы, но это не должно помешать выполнению ваших обязанностей. И вообще, вам это не должно мешать вести обычную жизнь...". Обдумывайте и будьте одиночками сколько хотите, но продолжайте исполнять обязанности и продолжайте вести обычную жизнь. А если нет? Если я откажусь от этих "продолжений"? Допустим, я пишу одно и вывожу из него то, что из него следует, но это следствие никак не вяжется со мной, то почему я должен продолжать писать в таком роде? Ведь это, по меньшей мере, самообман. Неужели моя обязанность - не быть собой? Но в день, когда я спрошу - "почему?", в этот день отказа от чуждых мне выводов, я узнаю, что арестован и всегда был арестованным, что моя жизнь - это символический "Процесс". Но что заставляет человека подчиниться занятиям, обманывающим его и отрывающим от самого себя? Да, наверно, все тот же мир человеческий, который не только побуждает, но еще

довлеет, тяжело и непрестанно довлеет.

Почему К., этого обычного человека, арестовали в то утро? Потому, что в то утро он не исполнял обязанностей, и лучше не кричать о своей невинной личности, это лишь нарушает то, в общем, неплохое впечатление, которое мы можем произвести. "Думайте лучше, как вам быть" - вот, что скажет нам инспектор. Надо думать и обдумывать, как быть, а не рассуждать о причинах бытия. Это и есть наше *как-существование*. Я могу лишь *просто-существовать* и не задаваться вопросами: откуда, для чего и что оно такое. Замаскироваться, смотреть налево, направо и вечно ухмыляться перед собой. Стоит человеку перестать думать, как ему приходится быть кем-то - и он арестован.

А ведь это, как ни смотри, делает человека безнравственным. Точнее, подверженность общественной нравственности делает его бесчестным. Но в силу того, что мир враждебен личности, эта бесчестность является условием существования, некоей борьбой за выживание. Индивидуализированный мир противостоит человеку, подчиняет его, делает из него индивида, который уже не в состоянии обойтись без общества и без какой-нибудь роли в нем, даже роли антиобщественной. Человек, полностью отказавшийся от роли, недифференцированный человек, обществом отвергается.

ПОЭТЫ И ПОЭЗИЯ

"К чему поэзия?" - спрашивает человек прозой. Это не тот же вопрос (хотя они похожи), как - зачем Пушкин или Лермонтов? Такого никто не спросит, потому что понятно, зачем: для истории, для общества, для страны. И лишит общество или страну Пушкина с Лермонтовым никто не осмелится, ни один индивид на такое не решится. Ибо кем он будет тогда представлен, кого выставит вперед себя, чьим именем будет культурным? Боюсь, в поэте-художнике не особо нуждаются, зато особо нуждаются в Пушкине, как великом русском поэте. Так что поэты обществу необходимы. Но так ли нужна обществу поэзия?

Сами поэты нередко презирали как раз именно общество: за лицемерие, за бездушие, одним словом, за масковость. Правда, книгопродавец в стихотворении Пушкина говорит поэту, что популярность сулит ему славу и имя. Но как раз имя поэту не нужно. Или так: "Блажен, кто молча был поэт", - лучше не скажешь! Затем он играючи, как с ребенком, предлагает поэту писать, если не для всех, то хотя бы ради женщин, для их восторгов и слез, для их ревности и любви: предлагает ему роль! Поэт гневается, а книгопродавец продолжает иронизировать и говорит то, что точно характеризует отношение общества к поэтам: "Люблю ваш гнев. Таков поэт!". Странное дело - и это принципиальное свойство общества - гнев,

тны, в отличие от общества и индивида), то будешь нашим поэтом, нашим лицом, а мы - твоим бессмертным телом.

Итак, поэт не желает обменивать на деньги свою рукопись. Он не желает продавать свое творчество, плод своего вдохновения за любовь и слезы женщины, так как любовь ее - плод ее воображения. Он желает только свободы. Книгопродавец после этого перестает иронизировать, надевает маску назидателя и тоном, хоть и хладнокровным, но заинтересованным, объясняет поэту: продавайте не вдохновение, а рукопись. Вы получите деньги, а с ними и свободу. И вот, с высот свободы, со своего "далёко", поэт падает вниз и говорит уже без всякого пафоса: вы правы. Потребность пребывать в запредельной высоте, стремиться и искать запредельную свободу - условие существования в телесном обществе для поэта. Такова его жизнь.

Итак, к чему поэзия? Зачем она, если заставляет падать из свободы в бытие, а из бытия - в мир, в общество? Иное дело - поэты, пускай они этим занимаются; они нужны, так как выражают наше рвение к стихиям, к небу, к грозам, к свободе; а стихи их сложены в прекрасной рифме в прекрасные творения.

"Ты, небом любуясь, дрожишь за него", - обращается к морю Жуковский. В природе все друг о друге заботится. Таково отношение поэта к природе. У индивида оно в корне другое: повелевать природой, подчинить ее своим злостным нуждам, своей беспомощности и слабости. Все желают приблизиться к природе, завоевать ее благосклонность. Общество технически обустроивается, открывая новые пути покорения ее. Оно переносит природу в технику и заявляет о своем превосходстве над ней, и только тогда оно чувствует себя с ней на равных. Поэт, чтобы почувствовать себя на равных с природой, стремится причаститься заботливости всего природного друг о друге; желает быть одной из ее стихий, заботиться о небе, море, ветре, - и они будут заботиться о нем. Поэт над миром, наравне с природой - вот уединение с ней. Но это состояние длится недолго. Он окажется ниспровергнутым в мир, окажется, как и все природное, узником общества, заключенным в оковы покорителя.

"Сижу за решеткой в темнице сырой", а орел будет грустно глядеть на него и призывать улететь, ведь они были наравне друг с другом, а теперь оба в темнице. И так, поэзия становится для общества объектом покорения и превращается в поэта, погруженного в уныние, но за это его и будут любить, ибо: "Таков поэт", - восклицают ин-

дивиды. Удел поэта в обществе - странствие. Поэт в обществе - странник, вопрошающий: "Что делать буду я?/Что станет со мной?". Поиск убежища ("а где? о горе, горе!"), странствие в надеждах, снова возвышение к свободе, снова падение и непрестанное ощущение смерти - вот грани жизни поэта в обществе. Бродит ли он вдоль улиц шумных, входит ли в многолюдный храм, - все помыслы его о смерти, все вопросы о том, что иллюзия в этом мире, что идеал, а что действительность. Неразлучная с поэтом надежда - его болезнь. Она же и заставляет подниматься в запредельные высоты. Неразлучно с ним и ощущение смерти, порой пугающее: вспоминаются юность, безмятежность, самолюбивые мечты. Порой же в ней видят единственный выход и способ избавиться от общественного назидания, видят "голос с того света", говорящий, что мы вместе со смертью начинаем жить. Порой сама жизнь в обществе отворачивает, отворачивает жизнь, где возможен только монолог. Отворачивают знание, слава, имя, ибо какой в них смысл, когда мы употребить их не можем. Боги, пославшие жизнь, сделали так, что ей всегда сопутствует печаль, в этом случае и надежда становится лукавым предателем. Но есть нечто неопределимое, сокрытое, но действующее - это и есть "таинственный посетитель" в человеке, нечто необъяснимое. А за этим следует и неотступное Желание поэта, стремление куда-то: в рай, в небеса, в весну, в "волшебный край чудес", в "мечтательный мир", по словам Пушкина.

Поэзия - это демонстрация сугубо человеческого, личностного. Поэт творит свою биографию, но не ту, в которую записываются гнев и уныние, или добро и зло, или радости и печали, а ту, о которой он молчит. А то, о чем он молчит, - индивидам не понять, да оно им и не нужно.

В оформлении использованы
линогравюры Юрия Могилевского
"Месть Гамлета" и "Похороны Гамлета".

ИЗ РУК ВОИ

Аркадий СУМОЧКИН

ВНЕ, ИЛИ СОН

Вне себя от радости, я тихо сидел за столом на кухне и читал утреннюю газету. Внезапно меня отвлек посторонний звук, доносящийся с плиты. Это вскипел чайник. Я достал керамическую кружку (а ее вообще очень трудно доставать, - дефицит!), налил себе сока из кофейника и стал, попивая молоко, медленно перемещаться по комнате. Кофе согревало меня изнутри, но мне было холодно снаружи. Я уселся обратно за стол и увидел утреннюю газету. Интересно, как она здесь оказалась? Я поставил чашку с какао на стол, взял газету в руки и стал перечитывать. Перечитывая, я решил ее одновременно и перелистывать. Отхлебывая время от времени пиво, я читал и вникал в читаемое, как я обычно делаю во время чтения, когда я что-то читаю. Сделав последний глоток виски, я смял стаканчик с остатками колы и выбросил его в обыкновенное пластмассовое ведро для мусора. Потом подумал, достал железное ведро (его тоже трудно доставать, не достается совсем! очень дефицитное!) - и сжег стаканчик. Думал, не сжечь ли и газету, но решил, что она пригодится в хозяйстве. Снова перелистал. Газета при внимательном прочтении оказалась вечерней. Я встал с дивана и прошелся по комнате, не переставая перелистывать газету. Закрыв ее, я посмотрел на обложку и прочитал заглавие. Я бережно поставил тетрадь на полку, к остальным папирусам, и вышел из кабинета. В дверь постучали. Я нерешительно двинулся открывать, но мне пришлось перед этим выйти из себя и помыть руки. Выходя из библиотеки в спальню и вытирая руки полотенцем, я услышал еще один стук в дверь. Потом другой, третий... Я встал с кресла и надел тапочки. Когда я вышел из кухни и пошел по коридору, меня напугал стук моих каблуков, я скинул валенки и пошел дальше босиком, в одних носках. Я открыл дверь и увидел миссис Киллер, ее зеленое платье было забрызгано майонезом и кетчупом, и опустив глаза, я увидел, что стою в луже кетчупа, настолько сильным был мой испуг. Миссис Киллер подняла на меня свои забываемые глаза, выражая этим портретное сходство с портретом, который напечатали в газете, сфотографировав ее во время задержания. В руках она держала скалку с прилипшими кусочками теста и мясного фарша. "Иди ко мне, детка! - прохрипела она, зловеще ухмыляясь и ликуя. - Я сделаю из тебя пиццу!" Я почувствовал страшную боль, как будто меня стукнули скалкой по голове. И я упал прямо в лужу кетчупа, испытывая боль, испуг, недоумение и задумчивость. Прежде чем закрыть глаза, я услышал также смех и ликование соседских котов, которые карабкались по стенам в надежде ворваться ко мне домой посредством форточки и полакомиться мной в виде пиццы. Потом я закрыл глаза и тем самым перестал слышать не только смех и ликование, но и вообще - как обычно бывает, когда закрываешь глаза.

Когда я проснулся, было лето. Я решил, что мне больше не следует перед сном.

ЗВЕРСКИ

Вот недавно застучал своего верного центуриона за чтением центурий. Наказал - не больно, а даже по-отечески. Кажется, он даже не обиделся. А может, и обиделся, не знаю. Взял лук, откусил почти половину, стал жевать - и смотрит. Ну и пусть себе смотрит. Мне все можно. Вышел из палатки, посмотрел на небо. Красота! Скоро солнце поднимется. Облака легкие, розоватые, жемчужная голубизна их окружает. Птицы уже проснулись, чирикают где-то на деревьях... Огляделся - все наши валяются и спят. У некоторых

даже рты приоткрыты, храпят. Все они мои дети (в переносном, конечно, смысле), потому что я к ним всегда по-отечески. Солнце появится - и подъем. Но пока пусть спят.

Пошел, погулял на берегу речки. Посмотрел на свое отражение. Красив я все-таки, божественно красив.

Суровая мужская красота. На секунду задумался - а не перестать ли бриться? А не отрастить ли варварскую бороду? А не подойдет ли она мне больше, чем выскобленный подбородок? Потом представил, как в бороде застревают кусочки еды, и передумал. Без бороды гигиеничнее.

Разулся, сел на прибрежный камень, поболтал в воде ногами. Не хочется что-то сегодня в наступление идти.

Ступни у меня узкие, пальцы маленькие. А вот голень сильная, мускулистая. Красивые у меня ноги. Жалко такие прятать. Но босиком не походишь - сразу что-нибудь вопьется, а хромать мне не пристало.

Но тут, возле речки, можно.

Захотелось размяться... За мечом в палатку лень возвращаться. Нашел какую-то палку, стал упражняться. Не заметил, как подкрался центурион - тот самый, которого я на днях наказал за чтение центурий. Он принес мой меч, но вместо того, чтобы дать его мне с почтением, вонзил прямо в солнечное сплетение.

Неужели я так и умру - с подгнившей палкой в руке? Разжимаю пальцы - единственное, на что еще хватает сил. Чтобы палка не оставалась в ладони.

Лежу и умираю. Может, закричать? - придут, спасут, вылечат... нет, стыдно.

Рядом журчит вода.

Если выживу, издам приказ об отмене телесных наказаний.

ОТВЕДИТЕ НАЗАД ПЛЕЧИ

Я рад, очень рад. Заходите. Садитесь. И я присяду, что ж, можно. Тут? Ах нет, тут. Поговорим? Или вначале просто посмотрим друг на друга? Вы такая... как бы это сказать... Такая мягкая, теплая...

Может, вам налить что-нибудь выпить? Нет? Ну, как хотите.

Я, пожалуй, начну... То есть, давайте начнем, пожалуй... Вам как удобнее будет?

Пожалуйста, можете зайти сюда, за ширму. Или в другую комнату...

Да, полностью, если можно. Я включил отопление, и вы совершенно не замерзнете.

Ничего-ничего... Ничего страшного... Эта вазочка все равно была старая и треснутая... Ах, вы разбираетесь в антиквариате? Но поверьте, мне совсем не жаль этой дурацкой вазочки... Можете еще что-нибудь задеть локтем... или... м-м-м-м... бедром...

Вы знаете, чем скорее вы сюда приляжете, тем будет лучше и... м-м-м-м... безопаснее... Да не для вас, что вы, милая - для остальных хрупких предметов в этой комнате!.. Ну вот, хотел рассмешить, а вместо этого заставил вас плакать. Не горюйте, мне, действительно, чихать на вазочку.

Возьмите платок. Можете оставить его себе.

О!.. Будьте здоровы... вам не холодно? Нет? Я могу отрегулировать отопление так, чтобы... Нет?.. Ну, как вам будет угодно.

Давайте приступим... Хотя... Если вам не трудно, пожалуйста, обопритесь на локоть вот так... Ах, вы смяли вашей ножкой драпировку... Но это ничего, я сейчас расправлю складки, и все будет превосходно.

А теперь взгляд... В нем должно быть, как бы это сказать... В нем должно быть больше ночного мрака... Вот так, именно! Спасибо, что понимаете меня сразу. Это не всем присуще, надо сказать.

Спасибо, мне и раньше хвалили... хвалили мой взгляд... Что? Нет, нет...

Грунт?.. Что вы сказали про грунт?.. А... ну да, говорят, что у меня пунктик на почве грунта... Каламбур, хи-хи... Грунт я предпочитаю традиционный, без всяких там современных штук...

Я буду работать недолго, возможно, всего час... Вы выдержите? Вам ведь не приходилось заниматься этим раньше... Я поэтому и спрашиваю, и ни в коем случае не ставлю под сомнение... Да-да, я уже начинаю... Подбородок повыше... Нет, голову чуть левей, вот так... Теперь свет правильно падает... И эта голубенькая жилка на вашей шее - так прелестно отсвечивает... Я прямо чувствую, как по вашим венам бежит кровь, ощущаю ее пульсацию, слышу глухие удары вашего сильного сердца...

А теперь отведите назад плечи.

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ДНЯ

Теперь мне все было понятно, я - чемодан. Но я не просто какой-нибудь там современный чемоданище, в который умещается половина гардероба, все мелочи из ванной комнаты, содержимое двух-трех ящиков письменного стола и комнатная собачка. Нет, у меня нет ни специальной выдвигной ручки, ни колесиков, чтобы удобнее было бегом опаздывать на самолет. И даже змейки-молнии, которыми я снабжен, не из сверхпрочного пластика, разработанного каким-нибудь умственно продвинутым чокнутым ученым. Они из пошлого желтого металла, не помню уж как он называется. Местами змейки даже, стыдно сказать, покрылись пятнами рыжего цвета - ржавчина не ржавчина, а все равно неприятно.

И я не кожаный чемодан, а из нейтрального, без вкуса, температуры и запаха, кожезаменителя, у которого есть только цвет - черный. Но какой же это черный, если видны какие-то странные узорчики, трещинки, потеки... В общем, не чемодан, а позорище. И внутри - думаете, какие-нибудь полезные вещи, которые собирают в дорогу нормальные путешественники? Отнюдь. Все какие-то книжки, которые лежат во мне так давно, что проплесневели до самого оглавления, страницы слиплись и, кажется, даже диффузировали друг в друга... Так, кажется, это называется - диффузия... И лежу я не на специальной полке в купе поезда или в салоне самолета, чистенькой такой полочке для багажа - и даже не дожидаюсь рейса в зале ожидания, где-нибудь на вокзале. Нет. Я брошен в каком-то неосвященном подвале, и вокруг меня - ящики, ящики, ящики... Деревянные, картонные, пластиковые... Бегают крысы, оставляют следы своих зубов на моем кожезаменителе. Ручку, слава богу, еще не отгрызли. Значит, не будет меня хозяин попрекать - мол, чемодан без ручки, выкинуть жалко, а нести тяжело... Или это наоборот говорится - "нести тяжело", а потом уже "выкинуть жалко"... Не помню... В общем, положение у меня не ахти какое. Несмотря на то, что чемодан я вместительный и надежный, вон сколько крысам сопротивляюсь! Правда, плесень пробраться в меня успела, но что же с того - это уже, кхе... Против природы не попрешь. Еще хорошо, что я остался в здравом уме и твердом рассудке после всех приключений... Особенно после того, как я осознал в полной мере, что я - чемодан.

Рисунки автора.

© Периодическое издание "Ассоциации литераторов - АБГ" и лито "МОЛОТ О.К." (Тбилиси, Грузия) <http://abg-molotok.ge>

Издается на средства редколлегии

Редакционная коллегия:

Сусанна Армянян,
Ада Джилавдарова,
Анна Шахназарова,
Дмитрий Лоскутов,
Михаил Ляшенко.

Рукописи не горят, не возвращаются и не комментируются. При перепечатке материала ссылка на данное издание обязательна.

Дискурс членов редколлегии не всегда совпадает с прикусом публикуемых авторов.